

ВАДИМ ПАНОВ ВИКТОР ТОЧИНОВ

ДУРАКИ УМИРАЮТ
ПЕРВЫМИ

ТАЙНЫЙ ГОРОД

Вадим Юрьевич Панов
Виктор Павлович Точинов
Дураки умирают первыми
Серия «Тайный Город», книга 20

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9001649

Дураки умирают первыми / Вадим Панов, Виктор То-чинов: Эксмо;

Москва; 2015

ISBN 978-5-699-78952-8

Аннотация

Его называли Монстром святого Иакова. Он явился миру в древней Кордове тьму веков назад, но последние столетия мирно провел на берегах Невы в качестве музейного экспоната. Однако в начале Третьего тысячелетия серебряный обруч, удерживавший древнего монстра в стеклянной колбе, был поврежден предприимчивым слесарем Кунсткамеры, и это положило начало невероятным событиям, обрушившимся на ничего не подозревающих жителей Санкт-Петербурга. А также – на несколько более привычных к сверхъестественному обитателей Тайного Города, оказавшихся в Северной столице...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	30
Глава 3	56
Глава 4	75
Глава 5	102
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Вадим Панов, Виктор Точинов

Дураки умирают первыми

© Панов В., Точинов В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

«Итак, Бог убил всех: и хороших парней, и плохих парней, и даже Стива с Лонг-Айленда. Но не меня. И я знаю почему...»
Wooldoor Sockbat

Пролог

Кордова, шестой век Хиджры

Абу Имран Муса бин Маймун бин Абдалла аль-Куртуби, известный также как Моше бен Маймон и как Маймонид, учёный широчайшего профиля: врач, астроном, естествоиспытатель, анатом, алхимик, талмудист и каббалист, – был изрядным шутником, причём юмор имел специфичный. Например, переводя с арабского на латынь античные опусы для Саламанкского университета, порой вставлял самолично сочинённые пассажи, долгие века заставляющие несчастных исследователей древностей ломать голову. А ещё мэтр производил биологические экспонаты всяческих диковин для университетских собраний, с целью просвещения студийзусов и ярмарочных экспозиций – те хорошо платили. Проще говоря, Маймонид поставлял заспиртованных уродцев разнообразных моделей и видов: то ягнёнка с двумя головами и шестью ногами, то человеческий эмбрион с крыльями летучей мыши, свиным пяточком, хвостом и копытцами, то бесшёрстную кошку с ужасными клыками.

Разумеется, в большинстве своём артефакты являлись чистой воды подделками, искусно составленными из разнородных частей, поскольку ярмарок в Европе много, а двуглавые телята рождаются нечасто, не говоря уж о младенцах с копытами и крыльями. Никакой науки за ними не стояло, а сам

Маймонид считал возню с колбами и эмбрионами побочным заработком, всерьёз к ней не относился и много времени не уделял.

Но однажды домочадцы оказались не на шутку удивлены: работа с очередным доставленным для препарирования экспонатом заняла целых четыре недели. Работал мэтр при закрытых дверях, и никто не видел доставившего экспонат человека или же людей, отчего с каждым днём удивление домочадцев усиливалось, превращаясь в опасливое недоумение.

Как именно готовое изделие покинуло дом мэтра, тоже осталось невыясненным. Но доход от создания очередного артефакта оказался таким, что Маймонид ещё пять месяцев занимался исключительно любимой наукой.

Вероятно, внешний вид загадочного экспоната так и остался бы тайной, если бы не набросок, сделанный на полях рукописи, над которой мэтр работал в то время. Набросок изображал заключённое в ёмкость существо, в природе, без сомнения, не встречающееся. Однако короткая запись под ним показала, что сам бен Маймон считал иначе и всю строил догадки о происхождении странного создания.

Дальнейшая судьба созданного Моше бен Маймоном артефакта на протяжении нескольких веков неизвестна. По некоторым сведениям, в Праге, в собрании императора Рудольфа, хранился весьма похожий экспонат, но скудные и смутные описания очевидцев не позволяют говорить об этом с уверенностью.

Объявилась же колба в 1719 году: уродец был закуплен российским посланником в Гааге Матвеевым для недавно учреждённой в Петербурге Кунсткамеры. К тому времени созданная бен Маймоном колба из толстого стекла повредилась – треснула и была стянута серебряным обручем с надписью на латыни: «Монстр святого Иакова».

Глава 1

Кто ходит в гости по ночам

Артур Николаевич Завалишин ненавидел Вышний Волочёрк.

Нет, он ничего не имел против старинного русского города и его жителей – он ненавидел через него проезжать, а делать это приходилось часто, тридцать-сорок раз в год, такая уж у Артура Николаевича была работа.

Шоссе Москва – Санкт-Петербург и без того не слишком пригодно для скоростной езды, поскольку постоянно забито большегрузными фурами – толком не разгонишься. Когда трасса огибает города, терпеть неудобства ещё можно, но стоит ей войти внутрь – беда, вместо хоть какого-то движения получается полноценный сбор всех городских светофоров в похоронном темпе.

«Калина» Артура Николаевича сейчас как раз стояла на въезде, у первого городского светофора, дожидаясь разрешающего сигнала, и Завалишин надеялся, что с четвёртого включения проскочит – от перекрёстка его отделяла лишь автовозка, в два яруса загруженная четырёхколесной продукцией компании «Рено», доставляемой из Москвы в Петербург. Что характерно, пять минут назад навстречу Артуру Николаевичу проехала точно такая же фура, с той же

продукцией той же компании, катившая из Питера в Москву. Ну почему бы, почему маркетологам и логистикам двух дилерских фирм не встретиться, не посидеть за рюмочкой чая и не родить совместными мозговыми усилиями гениальный план, позволяющий существенно сэкономить на транспортных расходах и разгрузить хоть немножечко трассу? Почему? Ответа нет и не предвидится. Зато есть идущие навстречу друг другу многотонные фуры.

«Идиоты...»

За опущенным стеклом взревел мотоциклетный двигатель, задумавшийся Завалишин вздрогнул и, резко повернув голову, увидел облаченных в чёрную кожу байкеров: колонна из нескольких двухколёсных машин проехала по осевой, объезжая и «Калину», и фуру, и вызывая завистливые взгляды водителей – этим-то что, через любые пробки просочатся, хоть вот так, хоть по обочине.

Причём байкеры в мотопробег Москва – Питер наладились отмороженные, жизнь свою ценящие не слишком дорого, а на ПДД и вовсе плюющие: все до одного без шлемов, головы повязаны ярко-алыми банданами.

Или не байкеры? Те вроде по двое не ездят, а тут на девять машин – двенадцать седоков... Может, и не байкеры. Но всё равно отмороженные.

Передний мотоцикл остановился, заехав на стоп-линию, а замыкавший колонну оказался как раз напротив переднего сиденья «Калины», и его пассажир осоловело уставился на

Артура Николаевича. Тот с достоинством выдержал мутный взгляд и, видимо, поэтому удостоился хриплого вопроса:

– Скучно тебе, чел?

– Простите? – удивился Артур Николаевич.

– Бухнёшь? – Обладатель красной банданы извлёк из внутреннего кармана плоскую бутылку, крутанул пробку и протянул обалдевшему мужчине: – На, развеселись.

– Я за рулём, – пробормотал Завалишин.

– И что?

– И... – Что именно ответить на этот вопрос, было решительно непонятно. Да и вообще ситуация выглядела на редкость идиотской: пробка, странный тип, странный разговор, странное предложение... – И то, что я не имею права...

– Тварь дрожащая, – резюмировал байкер. Затем сделал большой глоток виски, вытер губы о спину водителя и пояснил вконец обалдевшему Завалишину: – Достоевский, мля, вспомнился. Который с топором.

– Тебя всегда клинит, когда в Питер едем, – недовольно проворчал водитель, после чего выдернул из рук пассажира бутылку, хлебнул и сообщил: – Бедный всадник, мля.

На светофоре зажёгся жёлтый, байки рванули – резко, с места в карьер. Умчались и любители виски, на прощание обдав Завалишина струёй выхлопных газов, а его «Калину» – мелкими камешками, брызнувшими из-под заднего колеса...

«Ушлёпки», – зло подумал Артур Николаевич, трогаясь

вслед за фурой. И пожелал сам себе никогда не встречаться на трассе с отморозками в красных платках. Да и вне трассы лучше не надо.

Пожелание сбылось.

К счастью для Завалишина.

* * *

Кемпиус де Шу пробудился от ощущения приближающейся опасности: что-то неведомое оказалось в неприятной близости, и шестое чувство мягко, очень дружески потрепало рыцаря по плечу: «Не время валяться!»

И он мгновенно открыл глаза, уставившись в крошечную темную маленькую каюту и слушая стук волн о пластиковый борт. Казалось, воде не терпелось попасть внутрь замершей на якоре яхты, но они, волны, не торопились и пока что вежливо спрашивали разрешения у хозяев. Пока что спрашивали... А ещё по палубе стучал дождь – в другом ритме, чем волны. Нетерпеливо. Небесной воде тоже хотелось внутрь, и, видимо, хотелось значительно сильнее, чем забортной.

Питер – город воды, она тут всегда и повсюду.

Стук забортной, барабанная дробь небесной, ровное дыхание лежащей рядом Мишель – и ни одного подозрительного звука. На слух – никакой опасности, но Кемп привык доверять чувствам, даже – как сейчас – весьма смутным чувствам, и не собирался изменять привычке.

Он оказался на ногах быстро и бесшумно, и столь же быстро и бесшумно клинок покинул нестораемый шкаф, утопленный в переборке каюты. Меч Кемпа мог бы показаться слишком вычурным – украшением, деталью интерьера, но это было необходимой маскировкой, в действительности в руке рыцаря оказалось мощное оружие.

Быстро и бесшумно.

Мишель не проснулась, лишь повернулась на другой бок и вздохнула. Ну и пусть спит...

Кемп тихонько вышел в рубку, а затем на палубу. Потребовались для этого считанные секунды, пластиковые судёнышки проекта «Кобра» хоть и назывались яхтами – точно так же, как водоплавающая собственность иных олигархов, – но не отличались ни гигантскими размерами, ни просторной планировкой.

И ещё скорость объяснялась тем, что Кемп не стал расходовать драгоценное время на одевание-обувание. Если и впрямь заявили незваные гости – хозяину простительно пренебречь формальностями. Если же чувство тревоги сработало вхолостую – тем более простительно. Де Шу поднялся на палубу в одних трусах и сразу же «насладился» острой питерской свежестью – по коже побежали мурашки.

Весенняя ночь ничем не напоминала знаменитые белые ночи, но совсем непроглядной не была. Шпиль Петропавловского собора, подсвеченный прожекторами, выделялся мутным светлым пятном, а фонари, выстроившиеся вдоль набе-

режной адмирала Макарова, достаточно освещали всё, что происходило над ровной поверхностью Малой Невы. Света хватало, и Кемпиус без труда заметил идущее к яхте судёнышко.

Двигалось оно медленно, почти бесшумно, и, лишь хорошенько прислушавшись, можно было различить, как тихо-нечко, на самых малых оборотах, жужжит электромотор.

Лодка – плоскодонная, с низкими бортами – была достаточно вместительная, рассчитанная на полтора или даже на два десятка пассажиров. Подобные судёнышки, совершенно не мореходные, способные плавать лишь по спокойной воде, развозили туристов по Санкт-Петербургу, протискиваясь даже в самые узкие каналы и под самые низкие пролёты мостов, куда нет хода ни речному трамвайчику, ни тем более прогулочному теплоходу. Некоторые лодки были оснащены электромоторами – туристы чувствуют себя более комфортно, когда голос экскурсовода не грохочет из динамиков, перекрывая шум бензинового движка, – и именно такая лодка приближалась сейчас к яхте. И Кемп не сомневался, что плывут в ней отнюдь не припозднившиеся туристы, а цель визита – не экскурсия: правила речной навигации запрещают ночные плавания без включённых огней, да и незачем мирным зевакам подкрадываться столь скрытно и бесшумно.

– Посмотрим, кто тут у нас...

Де Шу дождался, когда лодка окажется в двухстах ярдах от яхты, быстро просканировал её – это действие было до-

ступно даже таким слабым магам, как он, – и ощутил лёгкое разочарование: челы... челы, да ещё не прикрытые никаким видом магической защиты, а значит, Меч можно использовать как самое обычное холодное оружие.

А в том, что использовать придётся, рыцарь не сомневался. Происходило бы дело в «Балтик-Марине», или в Апостольской гавани, или в любой другой здешней марине, среди множества других пришвартованных яхт, ещё можно было бы усомниться, что именно «Морион» является целью визита. Но Кемп специально – были тому причины – пришвартовался у набережной неподалёку от знака, категорически запрещавшего подобные действия, уже имел по этому поводу беседу с сотрудниками ГИМС, и только амулет Апикрены позволил обойтись и без штрафа, и без взятки.

«Интересно, кто на этот раз?»

Рыцарь наблюдал за лодкой, притаившись за копкитом. Он очень надеялся, что его выход из рубки остался для визитёров незамеченным, что они уверены: экипаж яхты мирно спит в каюте. В то, что abordаж на Малой Неве затеяли случайные люди, верилось слабо. А не случайные хорошо знают, что Кемп – твёрдый орешек, и отправиться за ним вчетвером могли только в расчёте на абсолютно внезапное нападение. Хотя нет, нет... не вчетвером – впятером. Ещё один человек, до того согнувшийся и что-то делавший на дне лодки, распрямился, и его тёмный силуэт чётко обрисовался на светлом фоне посуды.

Весенняя ночь выдалась не просто прохладной, она заслужила другой эпитет – холодная. Однако Кемп перестал чувствовать дискомфорт – ожидание схватки согревало лучше любого термобелья. Он не считал себя храбрецом или героем, презирающим опасности, – всегда полагал, что лучше обойти десятой дорогой плюющийся огнём дот, чем пытаться героически заткнуть амбразуру собственным телом: дотов с амбразами на свете множество, а собственное тело единственное; что лучше отступить перед превосходящей силой, чем пытаться совершать чудеса героизма; и твёрдо верил, что вступать в схватку можно лишь самостоятельно выбрав место, время и оружие и – желательно! – не известив об этом противника. Но сейчас отступить было некуда.

Еле слышный звук электромотора смолк. Некоторое время лодка двигалась по инерции, а затем абсолютно бесшумно коснулась борта яхты – старые покрышки, привязанные вдоль низкого корпуса, амортизировали несильный удар.

Последние сомнения исчезли: гости направлялись именно к нему, к Кемпу. Но оставалась слабая надежда на совпадение, на случай... На заурядный криминал, проще говоря. Может, тут существует своего рода Береговое Братство, имеющее обыкновение ошипывать пёрышки богатеньким заграничным яхтсменам, швартующимся в неположенных местах?

Впрочем... какая теперь разница? Сейчас надо воевать. Самый рослый визитёр подпрыгнул, зацепился за край

борта, подтянулся... и оказался – номинально, согласно Конвенции ООН по морскому праву, – на территории Французской республики, поскольку портом приписки яхты числился Гавр. Пару секунд верзила молча стоял – прислушивался, – а убедившись, что на иноземщине всё тихо и спокойно, нагнулся и помог своему менее высокому сотоварищу ухватиться за стойку леерного ограждения. Разогнулся, обернулся – и увидел Кемпа. И вряд ли успел оценить, насколько забавно выглядит полуобнажённый мужчина с бутафорским мечом в руке – сталь стремительно прорезала воздух, а долей мгновения позже – глотку незваного визитёра.

Всё произошло стремительно и почти бесшумно. Человек был ещё жив, ещё пытался крикнуть, но вместо крика из раны вырывался лишь слабый, еле слышный клёкот. Ну и кровь, разумеется, куда же без неё?

Следующий гость, как раз подтягивавший себя на яхту, услышал-таки нечто подозрительное. И замер, не закончив движение, пытаясь сообразить, что за звуки до него донеслись. Повис на полусогнутых руках, попытался тихонько задать вопрос товарищу, до сих пор остававшемуся на ногах... Но вопрос не прозвучал: Кемп шагнул вперёд и рубанул по голове. Клинок должен был развалить её пополам, до шеи – и развалил. Человек рухнул в лодку.

Очевидно, у прибывших имелась чёткая инструкция: если не удастся застать де Шу врасплох – отступать. Либо они плюнули на все инструкции, озабоченные лишь сохранно-

стью своих шкур. Как бы то ни было, электромотор взвыл, мгновенно перейдя на полные обороты, лодка дёрнулась и начала быстро набирать ход. Судьбой оставшегося на яхте верзилы его товарищи не озаботились.

Но Кемп не собирался позволить им уйти, поскольку считал, что подобные дела наполовину не делаются.

Он коснулся большим пальцем правой руки красного самоцвета, вделанного в гарду Меча – оптимисты и романтики могли счесть его рубином, реалисты – дешёвой бижутерией, а левой взялся за венчающий рукоять многогранный металлический шар и таким образом замкнул необходимый для активизации артефакта контур – в этом случае можно было обойтись без заклинания.

Меч издал низкое, едва слышное гудение, завибрировал. Кемпиус аккуратно направил его на удаляющуюся лодку и чуть повёл в сторону, прилагая значительные усилия, словно приходилось преодолевать сопротивление невидимой, но очень вязкой среды.

Меч работал ровно четыре секунды. Затем де Шу опустил его и вновь просканировал судёнышко.

Всё кончено. Лодка продолжала плыть, как плыла, но живых на её борту не осталось.

Кемп прикинул траекторию движения посуды: пожалуй, если не врежется в опору моста, до Большой Невы доберётся, – и довольно усмехнулся: «Вот и славно, чем дальше от яхты их обнаружат, тем лучше. И пусть гадают, пусть

ломают головы...»

Жаль, конечно, что яхту придётся оставить – это было удобное убежище, – но рисковать контрактом нельзя.

Рыцарь тщательно обыскал мертвеца, однако все карманы детины оказались демонстративно, вызывающе пусты, не нашлось даже безобидной мелочи вроде расчёски или зажигалки. На шее – ни амулетов, ни оберегов, ни натального креста. Зато в ухе обнаружилась клипса-приёмник, которая мгновенно отправилась за борт.

Клипса показывала, что детина мог получать указания от наблюдателей с берега, то есть яхта до сих пор под контролем и уходить придётся хитрым манёвром. Но к этому Кемп был готов.

Он бесшумно спустил мертвеца за борт – за оставшуюся часть ночи течение унесёт его достаточно далеко, – тщательно осмотрел палубу, избавившись от крови, до которой пока не добрался дождь, после чего направился в каюту – принять душ и собрать вещички.

Повторного нападения не будет, но затягивать с отступлением нельзя.

Когда он вернулся в каюту, там уже горел свет, а Мишель сидела на постели.

– Что это было? – Встревоженная, но неодетая, ожидающая. – Что случилось?

Проигнорировав вопрос, де Шу босиком прошлёпал в крошечную душевую кабинку, постоял пару минут, до-

жидаясь, пока проточный нагреватель доведёт температуру воды до необходимой, и широко улыбнулся... Ох, хорошо! Никакого сравнения со струями, льющимися с промозглых небес хмурого города.

– Ты скажешь, что случилось, или нет? – спросила Мишель, когда он вышел из душевой.

Кемп молча сдёрнул с вешалки полотенце и принялся резко растирать мускулистое тело, безразлично разглядывая по-другу.

Бывшую подругу.

Очередной этап уходит в прошлое, и Мишель уходит вместе с ним. Прощания, сопровождаемые бурным выяснением отношений, рыцарь не терпел, обычно уходил по-английски, но сейчас не получилось, и он с тоской понял, что придётся расставаться по-настоящему. А подходящих слов, как назло, не находилось, и Кемп как мог оттягивал начало разговора.

– Лео, ты меня пугаешь. – Она знала только это его имя: Лео Кац, удачливый брокер из лондонского Сити.

– Я получил... пренеприятное известие.

– От кого?

– Увы...

Он остановился у шкафа и принялся быстро натягивать одежду: трусы, носки, рубашка, брюки, свитер под горло, пиджак с кожаными нашлёпками на локтях – с одной стороны, набор достаточно неброский, лишнего внимания не привлекающий, а с другой – все вещи от лучших модельеров, из

последних коллекций, можно пройти фейс-контроль на входе в самые элитные заведения, охрана там на такие нюансы хорошо натаскана.

– От кого известие?

– От Гоголя, – «тяжело» вздохнул Кемп, аккуратно расчёсывая перед зеркалом волосы. И уточнил: – Ты его не знаешь.

– Твой друг?

– Мой адвокат.

– Что стряслось?

Де Шу снова вздохнул...

Всё-таки это были не самые плохие месяцы в его жизни: Мишель красива и умеет доставить удовольствие, недостаточно образована, конечно, но с этим можно примириться. Контракты приносили приличный доход. Путешествия на яхте оказались достаточно увлекательными и романтичными, особенно по Средиземью, но... но всё когда-нибудь заканчивается. Видимо, в Ордене сообразили, что «паршивая овца» слишком хорошо устроилась, и решили подпортить Кемпу жизнь. Намекнули, что нужно в очередной раз внести плату за упрямство, и не оставят его в покое до тех пор, пока он не сменит личину.

Но как всё это объяснить Мишель?

Да никак. Любые его ответы вызовут множество новых вопросов, и отвечать на них нет ни времени, ни возможности. К тому же, когда до Мишель доберутся – а до неё несомнен-

но доберутся, – чем меньше она будет знать, тем для неё же лучше.

– Гоголь сказал, что в Питер приехал Паустовский, а мне необходимо обязательно с ним встретиться. Иначе Тютчев обидится.

– Ночью?

– Утром он улетает. Спи, дорогая, я приеду до завтрака.

– Правда? – В голосе Мишель недоверие смешивалось со злостью.

Так уж сложилось, что у неё имелся крайне негативный опыт расставаний. Её прежний друг, богатый яхтсмен-плейбой, оставил Мишель прямо в марине Амстердама, вытолкнул с сумкой на берег, и если бы не Кемп, с которым она встретила буквально на соседнем пирсе, пришлось бы женщине возвращаться в ненавистный провинциальный Лион, на радость тамошним сплетницам, обожающим перемывать косточки «гулящей Ми». Но тогда всё было понятно: проклятый богач подцепил новую подругу, а что происходит сейчас, Мишель решительно не понимала. Её бросают? Или всё, что говорит Лео, – правда? Что происходит? Может, и в самом деле какие-то проблемы? В этой дикой холодной стране проблемы размножаются, словно амёбы, делением. И вдруг без встречи с загадочным Паустовским Лео перестанет зарабатывать так хорошо, чтобы содержать и яхту, и подругу.

– Теперь помолчи, – произнёс Кемп сухо. – Мне надо позвонить.

Она кивнула, но сосредоточилась, пытаясь понять, что говорит на незнакомом языке любовник, уловила одно слово:

– Такси? Ты куда-то едешь?

На самом деле слово «такси» прозвучало в обратном смысле – де Шу сообщил собеседнику, что должен исчезнуть с яхты незаметно и бесследно, посему воспользоваться данным видом транспорта никак не сможет, – но объяснять эти нюансы бывшей подруге рыцарь не собирался.

– Ты думала, я отправлюсь к Пришвину пешком?

– К Паустовскому, – глухо напомнила Мишель.

– Сначала к Пришвину, потом к Паустовскому, – молниеносно поправился Кемп. – А ты ложись и спи. Утром я приготовлю тебе завтрак.

Рыцарь ободряюще улыбнулся, даже чмокнул женщину в щёку, затем достал из-под кровати старинный футляр для альта, раскрыл его на столике и бережно уложил в углубление Меч.

Мишель знала, что любовник считал оружие своим главным достоянием, и её подозрения вспыхнули с новой силой.

– Зачем тебе меч?

– Я ведь сказал, что еду к Паустовскому, – довольно туманно ответил рыцарь.

– Ты никуда не уйдёшь! – Мишель застыла в дверях, крестообразно раскинув руки. – Я тебя не пущу!

Кемп попытался отодвинуть её и пройти – без успеха. Мишель вцепилась одной рукой в футляр, другой – в полу пи-

джака и принялась азартно выкрикивать оскорбления. Причём в запале обвиняла рыцаря заодно и в проступках, совершённых прежним бойфрендом: что бабник, пьяница, кокаирист и слабак. Он не спорил, не пытался восстановить историческую справедливость, он всего лишь старался покинуть каюту, не прилагая излишнюю физическую силу.

Но когда Мишель попыталась вцепиться ему в лицо длинными, острыми, ухоженными ногтями – и оказалась близка к успеху, – Кемп ударил её в скулу.

Ударил без малейшей злобы, просто чтобы положить конец безобразной сцене. Силу удара тщательно дозировал – Мишель впала в состояние, называемое боксерами «гrogги»: осела на койку, замолчала, лишь пару раз беззвучно открыла и закрыла рот. Де Шу шагнул за дверь.

Ну что же, в том, что в придачу к яхте и кредитной карточке бывшей подруге достался ещё и синяк под глазом, виновата лишь она сама. В любом случае он оставляет её в гораздо лучшем положении, чем то, что наблюдалось в Амстердамской марине.

С этой оптимистичной мыслью Кемп одним семифутовым прыжком перемахнул с борта на причальную площадку, не утруждаясь подтягиванием яхты за швартовый конец. Поскользнулся на мокром граните, но устоял на ногах. С футляром музыкального вида в руках широкоплечий рыцарь напоминал оркестранта, возвращающегося с ночного выступления в клубе или ресторане. По крайней мере, он надеялся,

что именно так подумают местные постовые, если доведётся с ними случайно встретиться.

Дождь прекратился. Судя по состоянию небес, ненадолго, но Кемп всё же счёл это хорошим предзнаменованием для начала новой жизни. Кем он станет теперь? Под какой личиной укроется? Де Шу и сам пока не знал. После предстоящего дела, как обычно, надо будет затаиться на месяц, залечь на дно... Так что времени обдумать будущую жизнь и будущую ипостась хватит с избытком.

* * *

Возможно, де Шу не столь оптимистично оценивал бы запас времени на планирование новой жизни, если бы знал об одном разговоре, напрямую его касавшемся. Разговор состоялся за семьдесят часов до того, как прогулочная лодка затеяла неудачный abordaj, и происходил в нескольких сотнях миль от набережной Малой Невы.

Беседовали двое.

Первый из собеседников мог бы показаться ряженым: алый бархатный камзол с отложным воротником, с шеи на массивной золотой цепи свисает массивный медальон, высокие ботфорты со шпорами, тоже, очевидно, золотыми.

Но актёром костюмного фильма или же реконструктором обладатель камзола и шпор не выглядел. Архаичный костюм смотрелся на нём естественно, как повседневная одежда, да

к тому же идеально гармонировал с обстановкой: со сводчатым потолком и со стенами, облицованными грубо тёсанным камнем, с пылающим камином, украшенным решёткой ручнойковки, с огромным, очень массивным столом морёного дуба.

Его визави, наоборот, выглядел чужеродным вкраплением в интерьер: белый костюм, сшитый идеально по фигуре, элегантные туфли, стильный галстук... Элегантная заколка для галстука и массивная рыцарская цепь пришли из разных эпох, разделённых пятью, а то и шестью веками, но хронологический разрыв не мешал собеседникам находить общий язык.

После того как была обсуждена проблема, ставшая причиной и поводом для встречи, рыжеволосый хозяин предложил «просто поболтать» за бокалом вина. Гость с удовольствием принял предложение, собеседники переместились к камину, откупорили бутылку старого красного, хозяин выслушал короткий, но в меру витиеватый тост в свою честь, бокалы соприкоснулись, вино было отпито, официальная часть беседы окончательно умерла, и гость, прищурившись на горящие поленья, вспомнил об одном пустяке:

– Чуть не забыл, Франц... Вас интересует свежая информация о Кемпиусе де Шу? Рыцаре, если не ошибаюсь, ложи Мечей...

– Он давно вычеркнут из списочного состава ложи.

– Я имел в виду его происхождение.

– Я знаю, что вы имели в виду, Сантьяга.

Франц де Гир, Великий магистр Ордена, не разозлился, но чуть поджал губы, показывая комиссару Тёмного Двора, что тема не особенно ему приятна, сделал ещё глоток вина и неохотно протянул:

– Де Шу зимовал на Гоа, а после вернулся в Европу. Мы не следим за ним специально.

– Но вам известно, где он зимовал. – В чёрных глазах нава блеснул весёлый огонек.

– Его видели, – скупое ответил Великий магистр.

– И доложили вам.

– Кемп – чуд, рыцарь... – Де Гир вздохнул и добавил вина себе и гостю. – Его одолевают страсти, но мы верим, что он одумается и вернётся в Орден. Мы все этого хотим.

Жителей Тайного Города – поселения древних рас, скрытого среди стен и шума Москвы, – было мало, гораздо меньше, чем хотелось их вождям, и потому Великие Дома искренне беспокоились о судьбе каждого. Рыцарь де Шу пошёл против правил, дерзко пошёл, но его всё равно считали своим.

– Почему вы заговорили о Кемпе, комиссар?

Сантьяга поставил бокал на разделяющий собеседников столик, свёл перед собой пальцы и, глядя на пылающие дрова, произнёс:

– Кемпиус де Шу зимовал на Гоа, но не сидел на месте. В феврале он наведлся в Амстердам и выкрал из запасников

Рейксмузеума старинную вещь, судя по описанию – один из утерянных амулетов Апикрены...

– В них встроено заклинание «заговор Слуа», – припомнил Великий магистр. – Причём владелец может управлять силой воздействия.

– Совершенно верно, – подтвердил Сантьяга. – А «заговор Слуа» – весьма опасное заклинание. В настоящее время Кемпиус де Шу способен осуществлять сильное ментальное воздействие на челов.

– Кемп слабый маг, ему необходимы подобные устройства.

– Для чего?

– Для жизни. – Сейчас наву отвечал не Великий магистр, а простой чуд, желающий добра сородичу. – Разве не очевидно?

– Очевидно, – не стал спорить нав.

– Так в чём же дело?

– В том, что Кемпиус де Шу сознательно порвал отношения с Орденом, и я не уверен в том, что он соблюдает принятые в Тайном Городе законы и правила.

Маги Великих Домов обладали огромным могуществом и силой, однако подлинной властью на планете обладали челы – господствующая раса, ссориться с которой, равно как и выдавать ей секрет своего существования, нелюди не желали. И Сантьяга прямо намекал, что беглый рыцарь, промышляющий кражами из музеев, стал угрозой режиму сек-

ретности.

– Кемп уже четыре года шляется по миру и действует всем на нервы, – негромко произнёс Великий магистр. – Почему вы озаботились им только сейчас?

– Вы знаете ответ на этот вопрос, Франц, – мягко отозвался комиссар. – Кемпиус де Шу происходит из хорошей семьи, его история известна в Ордене, и далеко не все относятся к ней однозначно. Он плохо воспитан, но его нынешние приключения туманят головы юным чудам, которые могут решить, что жизнь в Тайном Городе слишком скучна, и пойти по его стопам.

– Пока не пошли.

– Именно – «пока». – Сантьяга улыбнулся: – Но кроме дурного примера есть ещё и фактор Ярги.

– Бойтесь, что Кемп перейдёт на его сторону?

– Всё может случиться.

– У Ярги много помощников. – Франц поморщился: – Масаны, например.

– Масаны – наши привычные враги, – перебил Великого магистра нав. – Пусть все масаны встанут под знамёна Ярги – никто не удивится, но каждый раз, когда к нему уходит представитель главных семей Тайного Города, мы получаем существенный удар по репутации.

Оспорить это заявление было трудно.

Франц вздохнул, кивнул, показывая, что согласен с собеседником, и уточнил:

– Где он?

– Сегодня утром мне случайно стало известно, что яхта Кемпиуса де Шу идёт в Санкт-Петербург.

Несколько долгих мгновений тишину комнаты нарушало лишь потрескивание дров в камине, а затем Великий магистр нехотя согласился:

– Мы дождёмся, когда Кемп окажется в городе, возьмём его и доставим в Замок.

Глава 2

Чем грозят утренние прогулки

Апрельское утро выдалось чудесное – тёплое, тихое и сухое. Тучи, всю ночь поливавшие город дождём, к утру исчезли без следа, голубое небо, ласковое солнце, сверкающие лужи на вымытом асфальте... Такое утро – самое подходящее время, считала Светлана Кузнецова, чтобы в жизни произошла кардинальная перемена к лучшему. Или просто чтобы случилось что-то очень приятное: встретить мужчину, который станет верным и любящим спутником на всю жизнь, получить повышение или хотя бы обнаружить под ногами крупную купюру.

Увы, но спутник жизни пока бродил в других местах, о повышении и речи не шло, да и купюра на глаза не попала. Вместо этого Света повстречала замечательным солнечным утром двух сумасшедших, проявивших к ней весьма навязчивый интерес.

Не повезло так уж не повезло...

Поначалу ничто не предвещало эксцессов: она только-только вышла на хорошо изученный за четыре года маршрут «дом – работа», прошагала через двор, затем под аркой, выводящей на проспект Славы, залюбовалась залитой ярким утренним солнцем магистралью – в эти часы и при таком

освещении она выглядела весьма эффектно, – и тут-то к ней подошли...

Хотя нет, нет, сначала Светлана обратила внимание на парочку, приближающуюся к дверям ювелирного магазина «Жемчуг». Парень и девушка, каждому лет по двадцать, не больше. Идут, взявшись за руки, и лица у обоих такие счастливые, что можно смело держать пари: жених с невестой спешат за обручальными кольцами.

Она проводила их взглядом до самой двери магазина, вздохнула ностальгически, завидуя незамутнённому, почти детскому счастью: на третьем курсе, выходя замуж, и она поспешила бы в ювелирку с таким же, наверное, глуповато-восторженным лицом; всего шесть лет прошло, а кажется – целая жизнь, целая эпоха.

Света машинально коснулась кольца, украшавшего левую (теперь уже левую) руку, – после развода вообще хотела снять, не носить, но украшение было оригинального дизайна, мало напоминало обручальное и, честно говоря, просто нравилось. Коснулась, вздохнула ещё раз, повернулась, намереваясь двинуться дальше, и тут-то и узрела другую парочку, незаметно к ней подошедшую. Эти двое ностальгических чувств не разбудили, но и опасений поначалу не вызвали: мало ли зачем двое мужчин подходят солнечным утром к спешащей на работу девушке? Может, дорогу спросить до библиотеки...

Но обратившийся к ней мужчина не стал темнить и сразу

же, с первых слов, конкретно позиционировал себя как человека с лёгким (а может, и не с таким уж лёгким) психическим расстройством.

— Езжайте на восток, моя госпожа, — сказал он, глядя Светлане в глаза. — Езжайте на восток, навстречу солнцу. Запад грозит бедой.

«Псих... С утра пораньше. Чудненько день начался, ничего не скажешь».

Мужчине было на вид лет пятьдесят, и никаких внешних признаков городского сумасшедшего (расстёгнутой ширинки, например) в его внешности не усматривалось. Тёмно-синий костюм несколько старомоден, но это криминалом не является, ботинки не грязные, рубашка в меру свежая...

Однако речи неизвестного говорили о совершенно обратном.

Вступать в беседу было глупо, и Света попыталась двинуться дальше, полностью проигнорировав обращение, но не получилось — пальцы мужчины цепко ухватили рукав её плаща, и мгновение спустя стало ясно: хватка у незнакомца железная, уйти можно, лишь оставив ему плащ или хотя бы рукав.

— Отпустите немедленно!

Псих не отпустил. Но и иных враждебных действий не предпринял. Стоял, нахмутив лоб, явно о чём-то размышляя. Возможно, о том, стоит ли затащить Свету в подворотню или же попытаться изнасиловать и задушить здесь, на

тротуаре.

Она тоже задумалась на мгновение: лежит ли в сумочке шокер? И поняла, что опять оставила его дома...

– Сейчас закричу, – пообещала Света, стараясь говорить негромко и спокойно; она знала чисто теоретически, что истерика в подобной ситуации лишь провоцирует агрессию.

Мыслительный процесс у мужчины занял секунды три-четыре и завершился неожиданным решением: вместо того чтобы насиловать или душить Свету посреди проспекта или же тащить в подворотню, маньяк попытался прикинуться нормальным.

– Извините, моя госпожа, я довольно смутно выразил мысль, – произнёс он, отпуская рукав. – Но не стоит вам ехать к метро «Московская», там обрыв. В смысле, троллейбусные провода порваны. Пробка – на три квартала и не двигается. Поезжайте к «Ломоносовской», там свободно.

«Ломоносовская» и впрямь находилась от них строго к востоку, а «Московская» – строго к западу, и Света обычно ездила до «Московской», получалось добраться до работы немного быстрее. Возможно, она и поверила бы маньяку, если бы тот сразу начал с этих вполне вменяемых слов. Или обратился чуть позже, когда она перешла бы проспект и стояла бы на остановке.

Но сейчас... Подозрения роились в голове, как потревоженные пчёлы вокруг улья: «Отчего он решил, что я собралась к метро? Не в магазин и не в аптеку, не прогуляться по-

гожим утром, а именно к метро? Час слишком поздний для спешащих в конторы и офисы...»

Незнакомец сказал что-то ещё, но Света не расслышала – мотоциклист, поворачивающий с Белградской улицы на проспект, прибавил газу, торопясь проскочить на мигающий зелёный. Самым краешком сознания она отметила, что мотоциклистов сегодня на удивление много, за время её разговора с сумасшедшим мимо прокатило уже трое или четверо, и все на мощных байках, не иначе, какой-нибудь двухколёсный слёт затевается неподалёку... Отметила, но не придала никакого значения мелькнувшей мысли: завершить, наконец, общение с психом казалось делом гораздо более важным.

Если уж тот решил прикинуться нормальным, она тоже не стала нагнетать градус беседы и выдвигать претензии за некорректное начало диалога: вежливо поблагодарила за информацию и собралась уходить.

– Госпожа нам не поверила, старый, – печально произнёс мужчина, едва лишь Света сделала первый шаг в сторону перехода. – Не поверила...

Новых попыток удержать собеседницу он не предпринимал, а молодая женщина вдруг сообразила, что совершенно не обратила внимания на спутника психа, на молчаливого участника необычной утренней встречи. Ну вот просто даже ни единого взгляда не бросила. Понимала, что рядом кто-то стоит, а попросили бы описать его внешность и одежду,

пусть даже самыми общими словами, – не смогла бы. Понятно, что её с порога изрядно ошарашило нелепое обращение психа, но всё равно странно.

Исправляя упущение, Света быстро взглянула на второго незнакомца. Зачем? Неужели подсознательно чувствовала, что придётся описывать внешность этих двоих, описывать людям в форме и погонах? Возможно, и так, подсознание – материя тёмная.

«Старый» и вправду был стар. Волосы редкие, выцветшие, лицо изрезали глубокие морщины, а кожу – и на лице, и на руках, и на шее – усеивали пигментные пятна. Одежда «старого» тоже производила впечатление глубокой древности: драповые пальто такого фасона и похожие велюровые шляпы Света видела лишь в полузабытом детстве, причём на людях и тогда далеко не молодых... А сейчас лишь в старых чёрно-белых фильмах можно увидеть подобные предметы гардероба. Тёмные очки, прикрывавшие глаза старого, тоже казались выпущенными во времена покорения целины или первого полёта в космос.

– Мы всё понимаем, моя госпожа. – Псих жалко улыбнулся: – Извините.

Света сухо ответила «до свидания» и решительно пошла к «зебре», благо на светофоре как раз загорелся зелёный. Разок оглянулась – парочка следом не двинулась – и тихонько вздохнула, надеясь, что всё закончилось.

Умом Светлана понимала, что нужно побыстрее выбро-

сидеть из головы непонятную и неприятную встречу, на какой-то миг её реально испугавшую, но «побыстрее» не получалось... Пришло сомнение: а точно ли это психи? С ума, как всем известно, сходят поодиночке, и любой маньяк – существо строго индивидуальное. Городские сумасшедшие компаниями по городам не бродят, а тут сразу двое... Хотя второй не произнёс ничего, что позволило бы заподозрить в нём психа. Он вообще ничего не произнёс...

Увлечённая мыслями, Света не смотрела по сторонам, машинально двигалась в редкой цепочке пешеходов, пересекавших проспект Славы, и обернулась лишь на звук взревшего совсем рядом мотора.

Слишком поздно обернулась.

Мотоциклист, приближавшийся к переходу и вроде бы вполне законопослушно сбрасывающий скорость, неожиданно врубил полный газ. Его байк взревел и буквально-таки прыгнул вперёд, точь-в-точь как хищник на добычу, – переднее колесо даже оторвалось от асфальта, – а добычей была Света.

Как выяснилось потом, на больничной койке, в таких ситуациях за кратчайший миг можно рассмотреть на удивление много, и молодая женщина не стала исключением. Света успела разглядеть встающий на дыбы мотоцикл в мельчайших подробностях, видела каждую сверкающую хромом деталь и каждую деталь чёрную, воронёную; отметила стилизованную фигурку на переднем крыле, тоже хромированную –

оскаленную голову не то волка, не то собаки; успела понять, что сидят на байке двое, оба в чёрных байкерских косухах и оба без шлемов – головы повязаны алыми платками-банданами. Успела даже заметить, что пассажир байка протягивает к ней руку с каким-то зажатым в ней предметом...

Полтонны металла и человеческой плоти обрушились на неё. И зрелище взбесившейся машины со взбесившимися седоками должно было стать последним, увиденным Светой в жизни... или увиденным до серьёзных увечий...

И тут её дернули назад, едва не выдрав руку из плечевого сустава. Ревущая смерть пронеслась в дюйме, не больше, обдала горячим ветром, но не тронула. А Света не устояла и чуть не грохнулась, но её заботливо подхватили и удержали на ногах.

Вокруг зазвучали возмущённые голоса: предлагали немедленно звонить в полицию, спрашивали, успел ли кто-нибудь запомнить номер на мотоцикле прикурка, основная же масса пешеходов просто выражала мнение о байкерах вообще и о данном конкретном в частности. Мнение было единоедушным и довольно нелестным, а зачастую и нецензурным.

Света же воспринимала звучащие речи как фон, не понимая ни слова. Обернувшись, она увидела своего спасителя – давешнего психа. Не удивилась, отметила как данность, абсолютно равнодушно.

Все эмоции исчезли, и способность удивляться – тоже.

Тем временем зелёный человечек на светофоре замигал, механический голос из динамика предупредил, что переход завершается, и встревоженная стайка зевак рысью умчалась с «зебры», сообразив, что сейчас их могут задавить на законных основаниях, не нарушая правил дорожного движения.

Света, наверное, самостоятельно не смогла бы покинуть место несостоявшегося ДТП, но спаситель потянул её за руку и помог дойти до тротуара. Она переставляла ноги механически, словно заводная игрушка, тело было вялым, заторможенным, сердце же, напротив, колотилось бешено, гнало в кровь адреналин, вроде бы уже и ненужный. Мыслей не было вообще.

На безопасном тротуаре свидетели происшествия ещё некоторое время кучковались вокруг Светы – одни просто сочувствовали, другие давали советы, в большинстве своём неуместные и ненужные, но она не обращала на слова никакого внимания. А потом доброхоты исчезли, как-то на удивление разом. Словно одновременно вспомнили про важные и неотложные дела, и на этот факт Света тоже внимания не обратила.

Потому что в эти мгновения она и остальной мир существовали в разных плоскостях.

Потому что шок.

И они снова остались втроём: Света, псих и старый, который маячил в трёх шагах, как дружелюбное и молчаливое привидение.

Псих взял женщину за руку, пощупал пульс, сокрушённо покачал головой – она никак не реагировала на его действия, – не отпуская руку, взял за другую и резко потянул на себя. Свете было всё равно. Сейчас, наверное, она никак не отреагировала бы даже на попытку её убить, или изнасиловать, или разобрать на органы для нелегальной трансплантации.

Потом она почувствовала лёгкое возмущение: за спасение она благодарна, спору нет, но вот дальнейшие тактильные контакты – уже лишнее. И запоздалый страх почувствовала. А ещё в голову пришла не совсем уместная мысль, что если бы... если бы... то она никак не смогла бы забрать Кирюшу из садика пораньше, в пять, как ему обещала, и никого попросить помочь в этом деле тоже бы не смогла.

Короче говоря, мысли вернулись. Чувства – тоже.

Псих удовлетворённо кивнул, отпустил её руки... и тут же всё испортил, понёс какой-то бред:

– Путь на запад вновь открыт, моя госпожа, езжайте смело. Но всё же поглядывайте иногда по сторонам, поглядывайте. Верно, старый?

Старый, разумеется, промолчал. Даже не кивнул.

– Хотите воды, моя госпожа? – В руке психа появилась маленькая пластиковая бутылочка.

– Нет, спасибо.

Света, оправившись от шока, собиралась узнать имя своего спасителя и поблагодарить его, не вступая, разумеется,

в долгие беседы, попросту исполнив долг вежливости, но теперь передумала – парочка незнакомцев вновь показалась подозрительной и опасной, невзирая на то, что один из них спас её.

Да и было ли оно, это спасение? Может быть, всё произошедшее – спектакль, инсценировка? Давно известный среди влюблённых старшего школьного возраста приём: парень подговаривает дружков выступить в роли злых хулиганов, а сам изображает рыцаря-защитника... Но здесь и сейчас зачем такая самодеятельность? ЗАЧЕМ??

Ответ на её мысленный вопрос пришёл без промедлений. Но оказался, как, впрочем, и всё сегодня, странным и вызывающим ещё больше вопросов.

– Возьмите, моя госпожа, – попросил псих. – Возьмите, наденьте на правую руку и носите, не снимая.

Света взглянула на протягиваемый ей предмет: крохотная коробочка с откинутой крышкой, внутри кольцо в виде змейки, кусающей свой хвост. Под ярким утренним солнцем два красных камушка – глаза змейки – вспыхнули и тут же погасли, едва лишь ладонь и коробочка на ней чуть изменили положение. Показалось, змея бросила быстрый оценивающий взгляд на будущую жертву и вновь изобразила безразличие.

Надо полагать, это была бижутерия, дешёвая поделка, но выглядела симпатично, и Света машинально потянулась к коробочке, но тут же остановилась. Симпатичный вид колечка ещё не повод, чтобы принимать его в дар.

– Только не носите его на одной руке со своим кольцом. – Взгляд мужчины указал на её левую руку. – Так будет опасно. Боже, какая чушь!

«Возьмите кольцо! Не надевайте его с другими...» Перед нею заурядные уличные разводицы, джентльмены в поисках средств на опохмелку. Как мелко и пошло!

– Я не могу принять ваш подарок. Извините, я очень спешу. Спасибо! – скороговоркой протараторила Света, втискиваясь в кстати подъехавшую маршрутку.

Последние слова прозвучали уже изнутри. Потом дверь захлопнулась, маршрутка рванула с места, нагло подрезав вальяжный «интуристовский» автобус, не успевшая усесться Света от толчка едва устояла на ногах, но всё равно была довольна: неприятная встреча, наконец, завершилась.

А происшествие с мотоциклом лучше забыть поскорее: сколько о нём ни думай, сколько себя ни накручивай, всё равно никаких выводов на будущее не сделать. Ничего от неё в тот миг не зависело, точно так же можно было бы угодить под... под шальной метеорит, например.

Мысль о том, что ДТП было подстроено парочкой мошенников, решивших задорого вкрутить ей своё кольцо, Света в конце концов отвергла. Не тот размах... Для чего людям, способным купить протюнингованный «Харлей», потребовалось продавать ей дешёвое колечко? Или они собирались содрать за него цену квартиры?

Какая чушь!

И насчёт обрыва троллейбусных проводов, как выяснилось, аферист наврал: никакой пробки на подъезде к «Московской» не обнаружилось, обычное плотное движение.

Она пыталась выбросить утреннее происшествие из памяти и начать день с чистого листа, но не получалось, потому что имелась в цепочке событий некая нестыковка. Когда Света увидела, кто именно выдернул её из-под колес мотоцикла, в первый момент ей показалось, что это не давешний псих, а другой человек... Почему?

Она вновь и вновь мысленно прокручивала сцену и лишь в метро, подъезжая к «Василеостровской», сообразила: изменилась не внешность незнакомца, а его одежда. Костюм... Да! Костюм стал другим. Цвет остался тем же, даже ткань, пожалуй, та же. Изменился покрой, стал более современным. Изменения наверняка не бросились бы в глаза подавляющему большинству свидетелей, но Света была профессионалом, специалистом по историческому костюму, и привыкла замечать подобные мелочи на автомате, порой не отдавая себе отчёта... Насчёт брюк – другие они или нет – она не была уверена, не присматривалась к этой детали, а вот пиджак совершенно точно изменился.

Объяснений загадочному факту можно придумать немного, ровно два.

Первый вариант: незнакомец успел переодеться: сорвал и быстро запихнул в урну один пиджак, достал откуда-то (откуда?) другой, очень похожий, но другой, торопливо натя-

нул... И тут же помчался выдёргивать Свету из-под колёс.

Теоретически, наверное, можно успеть... Но в чём цель и смысл интермедии с переодеваниями? Цели и смысла Света, сколько ни старалась, придумать не могла и поневоле склонилась ко второму варианту.

А именно: пиджак остался прежним, все изменения произошли с её психикой. Увы, произошли. Смерть, с рёвом пронёсшаяся в считанных дюймах, – и вот вам следствие стресса, ложная память. Объяснение логичное и здоровое, но не слишком приятное: если на двадцать седьмом году жизни начались такие глюки, то чего хорошего можно ждать дальше? И потому она не стала принимать второй вариант за догму, при всей его простоте и внешней заманчивости. Решила оставить «Загадку синего пиджака» в списке неразгаданных тайн мироздания, вместе со снежным человеком и лох-несским чудищем. Тем более что время на размышления истекло – утренний вояж по маршруту «дом – работа» завершился.

Трудилась Света в Государственном музее антропологии и этнографии имени Петра Великого, который в просторечии и даже в туристических путеводителях чаще именуют Кунсткамерой. Обычно чудеса и диковины встречают посетителей лишь за дверьми сего заведения, но сегодня необычное и странное поджидало уже снаружи, у дверей служебного входа.

Света замедлила шаг, недоуменно глядя на протянувшу-

юся поперек её пути ленту, раскрашенную белыми и красными диагональными полосами. За лентой виднелись люди в форме и люди в штатском, а перед заграждением стояли полицейская машина и микроавтобус, тоже с полицейской символикой, и ещё одна легковушка, без опознавательных знаков.

Следов пожара не видно, и пожарных машин нет... Значит, криминал? Звонок о заложенной бомбе?

С другой стороны ленты возник человек в штатском, но вида вполне официального, не позволявшего усомниться, что в его кармане лежит удостоверение какой-нибудь серьёзной конторы. Возник и поинтересовался, куда гражданочка, собственно, направляется. Гражданочка чистосердечно призналась, что направляется она, собственно, к месту своей работы, и приготовилась к поискам в сумочке документов, собственно, оный факт подтверждающих.

Штатский документы не спросил, просто сообщил, что сегодня сотрудники следуют к рабочим местам через главный вход ввиду особых обстоятельств. Света осторожно поинтересовалась, что стряслось. Штатский вопрос проигнорировал, повторив слово в слово и с той же интонацией свою последнюю фразу. Света отправилась в сторону главного входа, нимало не расстроившись – узнает чуть позже, сегодня курилка будет переполнена не только табачным дымом, но и фактами, и их интерпретациями, и слухами, и версиями...

Проходя мимо касс, увидела объявление, причём не рас-

печатанное на принтере, а написанное маркером от руки, явно второпях, неровными буквами: «Музей для посетителей сегодня работать не будет. По техническим причинам». Ёмкое понятие «технические причины» может скрывать что угодно, но чаще всего – незамысловатый посыл: не ваше дело, отчего мы сегодня не трудимся.

«Интересно...»

На главном входе обнаружилось подкрепление, усилившее местную охрану, – двое полицейских, придирчиво изучавших документы спешащих на работу сотрудников, – так что без поисков пропуска в сумочке Свете обойтись не удалось. И, разумеется, пропуск нашёлся не сразу. Охранники Кунсткамеры знали Свету в лицо, так же как и других постоянных сотрудников, и обычно только кивали на входе и выходе, документов не спрашивая, а потому пропуск, если честно, мог сейчас лежать где угодно – и дома, и в ящике служебного стола, и даже на даче.

– Потеряли? – Один из «чужих» полицейских посмотрел на женщину так, словно уже обнаружил в её квартире золото Трои, золото скифов да ещё пару картин Рембрандта из запасников Эрмитажа.

– Ещё не знаю.

– Вы не торопитесь, – предложил напарник «чужого». – Не нервничайте.

Ему, похоже, просто нравилось наблюдать за красивой сотрудницей – выглядела Света прекрасно. Густые волосы до

плеч – натуральная платиновая блондинка, между прочим, тонкое, «породистое» лицо с нежными чертами, припухлые губы, фиалковые глаза... На неё оборачивались, она это знала, и потому во внимании второго «чужого» не было ничего неожиданного.

Вздыхнув, Света ещё раз перерыла сумочку, пошарила в карманах плаща, уже ни на что не надеясь, прикидывая, пропустят ли её по обнаружившемуся паспорту или придётся прокатиться домой и обратно. Но тут – о чудо! – пальцы нащупали заветный прямоугольник. Но этим дело не ограничилось. Там же, в кармане, лежал ещё один предмет, который Света на ощупь не опознала.

Полицейские внимательно рассмотрели документ, придирчиво сравнили фотографию с оригиналом, затем приложили пластиковый прямоугольник к считывающему устройству и уставились на экран, не иначе как желая узнать всю Светину подноготную.

А она уставилась на второй предмет, извлечённый из кармана.

Маленькая коробочка с закруглёнными краями, обтянутая сафьяном или очень удачной его имитацией. Света приподняла крышку, уже догадываясь, что увидит. Так и есть: маленькая серебряная змейка, свернувшаяся кольцом и кусающая свой хвост. Рубиновый глазок вновь, как на проспекте, вспыхнул и погас.словно подмигнул, говоря: всё в порядке, девушка, ты всего лишь провалилась в кроличью но-

ру, и чем дальше, тем будет чудесатее и чудесатее...

Внезапно Света сообразила, что первый полицейский к ней обращается, и не в первый раз, очевидно, – в голосе стража порядка слышались раздражённые нотки. Она машинально взяла протянутый пропуск, машинально опустила крышку коробочки, машинально пошагала в сторону служебного гардероба... О причинах введения в храм культуры осадного положения так и не спросила, мысли были заняты другим.

Кое-как выстроенная версия утренних событий пошла трещинами и разлетелась тысячей осколков. Мелкий аферист, промышляющий продажей самодельных украшений на опохмелку, обернулся оригинальным карманником – не похищающим, а незаметно подбрасывающим вещи. Момент, когда чужая рука проникла в её карман, Света вспомнить не могла. Вернее, в первые несколько минут после происшествия в её карманы можно было распахать всё содержимое прилавков ювелирного магазина «Жемчуг» – ничего бы не заметила и не почувствовала. Но в том и фокус, что коробочку с кольцом псих попытался ей вручить позже, когда Света более-менее пришла в себя. А в карман засунул, надо полагать, ещё позже, а она ни сном ни духом. Ловкач... Мог бы и денег в кошелёк подкинуть заодно, раз уж занялся благотворительностью.

Тут её кольнула неприятная мысль: а что, если... Она торопливо взглянула на свою левую руку – как-то не прихо-

дило в голову проверить наличие кольца, ставшего уже как бы естественным продолжением тела. Никто, находящийся в здравом уме, не проверяет, не отвалился ли у него, часом, палец или нос...

Обручальное кольцо находилось на своём законном месте. Чёрное, с диагональной золотой насечкой. Если долго всматриваться, возникал странный оптический эффект: казалось, что кольцо вращается на пальце, всё быстрее и быстрее, и золотые полосы сливаются в один сплошной золотой круг... Виктор, бывший муж Светы, говорил: их обручальные кольца старинные, от бабушки-дедушки унаследованные, но она сомневалась – дизайн вполне современный, модерновый, прикупил, наверное, благоверный где-то по случаю задёшево, да и наврал с три короба. Но кольцо всё равно нравилось, потому и не рассталась с ним даже после ухода Виктора.

Добравшись до своего рабочего стола, Света разделась, плюхнулась в кресло и вновь достала неожиданный утренний трофей, желая рассмотреть повнимательнее. Спокойному изучению никто помешать не мог – так уж сложилось, что в общей комнате она оказалась одна: у Петрова и Таирова сегодня библиотечный день, а Маришка приболела.

Первым делом Света поняла, что напрасно сосредоточилась на змееобразном кольце, проигнорировав коробочку, – та тоже стоила внимания. Упаковка выглядела старше содержимого, причём намного старше. Никаких пластиков или

иной синтетики: сафьян натуральный, а внутренняя поверхность из замши, за долгие годы превратившейся в нечто твёрдокаменное, абсолютно не эластичное. Петли и крошечная защёлка из потемневшего металла, определённого Светой как латунь или бронза. По боковому периметру коробочки шла оковка из того же металла – полоска, покрытая тончайшей гравировкой, уже изрядно стёртой. Наверняка давние владельцы коробочки до блеска начищали её металлические части зубным порошком или чем-то схожим, не подозревая, что уродуют будущий антиквариат.

Да, именно антиквариат. К категории ширпотреба вещьца никоим образом не принадлежала.

А вот про кольцо такого сказать было нельзя. Света вообще ничего не могла бы про него сказать, кроме одного: она похожих колец никогда не видела. Ни пробы, ни какого-то иного клейма нет... Надо быть специалистом-ювелиром, чтобы определить: действительно ли это стоящая вещь или же сработана на китайской фабрике из сплава, в котором серебро не ночевало... Хотя как раз подделки более чем охотно украшают фальшивыми пробами и клеймами известных брендов. Если поносить безделушку какое-то время, всё станет понятно: псевдурубиновые стеклянные глазки от китайской подделки через неделю отвалятся, а псевдосеребро крайне быстро потемнеет в месте контакта с кожей.

Поносить...

Света поняла, чем занимается: изобретает предлог, чтобы

надеть змейку на палец. И разозлилась сама на себя. Ну что в том дурного? Не украла ведь и не присвоила найденное... Кольцо – подарок, пусть и полученный при необычных, мягко говоря, обстоятельствах.

Другое дело, что подарок лучше бы вернуть. И она вернёт... Если вновь встретит утреннего психа... Если встретит.

А пока... Женщина решительно достала кольцо из коробочки, примерила на правую руку. Для безымянного пальца змейка оказалась маловата, а для мизинца – в самый раз, словно по мерке сделана.

Крошечная рептилия обвила тремя витками палец и грызла свой изогнувшийся хвост с видом вполне удовлетворённым: ну вот, дескать, я и очутилась там, куда давно стремилась. Вновь подмигнула рубиновым глазиком, вспыхнувшим и погасшим, – конечно же, всего лишь капризы освещения, но благодаря им змейка казалась чуточку живой.

Света вновь взялась за коробочку, поднесла к глазам, пытаясь разглядеть на потемневшей бронзе детали гравировки. И тут на её плечо легла рука – пухлая, мягкая, словно сделанная из теста или иной аморфной субстанции. Знакомый голос произнёс:

– Любопытная вещичка. Откуда она у тебя?

* * *

Кемпиус терпеть не мог жёстко составленных планов,

предпочитая импровизировать, в зависимости от того, как складываются обстоятельства. Но, разумеется, «план Б», на случай стремительного расставания с яхтой и Мишель, у него имелся. И, разумеется, план никак не предусматривал появления в отелях, кемпингах и прочих людных местах, где принято, хотя бы формально, интересоваться личностями и документами постояльцев. Облегчать задачу ищущим его де Шу не собирался.

А план, как бывало обычно, носил женское имя.

Её звали Мария. Одинокая, обеспеченная, тридцатилетняя, почти уже не ждущая принца на белом коне, но... но ещё с надеждой прислушивающаяся к далёкому топоту копыт. Кемпу не пришлось прилагать запредельных усилий, чтобы изобразить принца, а белая яхта успешно справилась с конской ролью.

Они познакомились на Гоа: де Шу ждал открытия навигации в Европе, Мишель же угодила на больничную койку, переборщив с экзотической кухней. Поначалу он хотел всего лишь избежать одиноких ночёвок в ту неделю, однако узнав, откуда прибыла новая знакомая, решил совместить приятное с полезным. И обеспечить в Петербурге запасной аэродром, поскольку уже шли переговоры о нынешней операции. Неделя с Марией пролетела весело; развести же двух женщин во времени и пространстве удалось легко и просто: Мишель выписали из госпиталя как раз в день отлёта Марии в Россию. Удачно сложилось.

Никаких конкретных обещаний Кемпиус Марии не давал, прилететь не обещал, однако повезло: за прошедшее время у неё не появился ни постоянный, ни временный мужчина, и рыцарь приземлился на запасной аэродром в ту же ночь, что покинул яхту.

Таунхаус в пригороде, где обитала курортная знакомая, ему понравился. Нет людской сутолоки, что царит в центре Северной столицы, но и не настолько безлюдно, чтобы каждый новый человек привлекал внимание. И жилище вполне уютное – при нужде, конечно, он мог провести оставшиеся до операции дни и в куда менее комфортных условиях, но зачем отказываться от лишних бонусов?

Задача номер один на новом месте – обустроить хранилище для Меча, а уж потом можно обзаводиться прочими пожитками. До сих пор Кемп, если даже выпускал футляр из рук, старался слишком от него не удаляться. Эманации оружия приходилось гасить, используя его же собственную энергию, – занятие весьма изматывающее.

По счастью, де Шу ещё несколько лет назад отыскал эмпирическим путем способ, позволяющий сделать оружие невидимым для магов Ордена. Способ на редкость простой – достаточно было поместить Меч в несгораемый шкаф «Цербер» – именно в него, аналоги других фирм отчего-то не годились, – чтобы полностью скрыть вызываемое Мечом возмущение магического поля. Рыцарь предполагал, что всё дело в побочных свойствах используемых материалов: ка-

кие-нибудь присадки к металлу или уникальные добавки в пенобетон, заполняющий пространство между стенками... Однако детально исследовать вопрос он не стал – работает, и ладно – и всегда следил за тем, чтобы в его очередном логове присутствовал сейф нужной марки.

У Марии его не оказалось, и утром рыцарь сразу же начал поиски.

Продажей шкафов и сейфов «Цербер» занимались многие магазины, и интернетные, и реальные. Связываться с сетевыми торговцами Кемп счёл рискованным, такие сделки оставляют больше следов, особенно при доставке до двери, а из всех торговых точек, предлагаемых поисковиком, он выбрал не ближайший, а самый удалённый от дома Марии.

...Магазин-салон «Пещера Аладдина» располагался в фешенебельном торговом центре «Амазония». Охранник, затянутый в синюю униформу, неодобрительно покосился на футляр музыкального вида в руках де Шу и решительно заступил путь:

– Не положено! Будьте любезны оставить имущество в камере хранения.

Кемп с сомнением взглянул на стену пронумерованных ячеек, которыми пользовались и покупатели сейфов, и посетители соседствующего ювелирного, и клиенты ещё нескольких торговых точек, расположенных в этом крыле центра. Выглядели камеры надёжнее, чем жестянки в дешёвых магазинах, но не намного.

Попытался возразить: футляр, мол, слишком длинный, в камеру не помещается. Охранник немедленно парировал: дескать, не беда, вон та крайняя секция как раз состоит из ячеек увеличенного размера, предназначенных для негабаритной ручной клади. При этом взгляд стража «Пещеры» стал ещё более подозрительным, не иначе как охранник заподозрил, что в футляре укрыта штурмовая винтовка, а Кемп с детства мечтает захватить в заложники персонал и клиентов торгового центра, потребовав миллион долларов и самолёт до мексиканской границы...

Расставаться с Мечом не хотелось, затевать привлекающий внимание скандал – тоже. Рыцарь прикинул расстояние от камер хранения до салона, пришёл к выводу, что сумеет гасить эманации на таком расстоянии, и распахнул дверцу самой крайней ячейки, ближайшей к «Пещере Аладдина».

Помимо замка сохранность Меча обеспечивал артефакт – короткий и практически невидимый волосок, прилепленный на дверцу, – теперь, если в ячейку полезет чужой, Кемп и только Кемп услышит сигнал тревоги и наверняка успеет добежать до ячеек.

Рыцарь закрыл дверцу и со спокойной душой отправился выбирать несгораемый ящик. Это стало ошибкой.

На раскладной стол, втиснутый в угол за камерами хранения и заваленный свежей прессой, де Шу не обратил внимания, равно как на сидящего за ним старичка безобиднейшего вида, хотя возился с ячейкой буквально в пяти футах от

него. И зря не обратил, потому что, едва Кемпиус отправился выбирать сейф, старичок достал мобильный телефон...

Глава 3

До чего доводит любовь к антиквариату

– Здравствуйте, Дарья Васильевна! – на ходу сказал Торнадо консьержке, смешав в интонации лёгкость и уважение в идеальной пропорции: чтобы не обидеть небрежением и чтобы, упаси Господи, не выглядело как подбострастие.

Консьержка кивнула, улыбнулась. Он улыбнулся ответно. Торнадо хорошо знал, как его улыбка действует на женщин старше сорока пяти; знал и беззастенчиво этим пользовался. И прошёл к лифту, на ходу доставая связку ключей, нажал кнопку вызова.

Первый этап прошёл успешно... Никакого недоумения на лице консьержки при виде Торнадо не появилось: личность знакомая, примелькавшаяся... Отлично...

Нужный этаж. Двери лифта бесшумно разъехались. Он помедлил секунду, прислушиваясь и убеждаясь, что с площадки не доносилось ни звука. Так и должно быть: график уходов и приходов бывших соседей он составил собственноручно и знал назубок.

Второй этап пройден.

Торнадо быстро подошёл к двери, надавил клавишу звонка, подождал, надавил ещё раз. Тишина. Он достал ключи.

Замки, как, впрочем, и ожидалось, оказались теми же; мало кто их меняет, въехав на съемную квартиру, лишь один раз за четыре года Торнадо столкнулся с такими предусмотрительными жильцами.

Тихий щелчок. Дверь бесшумно отворилась. Самый ответственный момент – если кто появится, тут уж никакие отмазки не прокатят, но повезло. Снова повезло. Торнадо проскользнул в квартиру, вновь прислушался – на площадке ни звука, ни движения, облегчённо выдохнул, повернул головку замка и приступил к работе.

Он не собирался обчищать квартиру, рыться в шкафах, выбрасывая на пол груды одежды, потрошить шкатулки с бижутерией, увязывать в тюк меховые вещи совместно с оргтехникой или уносить под мышкой телевизор. Спаси и сохрани от такой пошлости... Большинство домушников попадают не с поличным, а на попытках сбыть украденное: среди барыг-скупщиков каждый второй постукивает в полицию, не считая каждого первого.

Торнадо прожил на свете тридцать два года, в тюрьме ни дня не сидел, даже в обезьяннике не провёл ни часа и отнюдь не собирался изменять своим привычкам – он слишком ценил комфорт и уют.

В общем, банальные шмотки Торнадо не интересовали, иное дело антиквариат – мимо красивых старинных вещей он просто не мог заставить себя пройти, но брал исключительно для себя, не для продажи. Ну и деньги брал, разуме-

ется, но не те, что лежат на текущие расходы под сахарницей или в аналогичном месте. Попадись ему сейчас такая мелочовка на глаза – не прикоснулся бы. Люди, снимающие просторные апартаменты премиум-класса, серьёзные деньги под сахарницами и в кофейных банках не держат, да и в портмоне носят лишь малую часть капиталов, доверяя серьёзное дело сохранения наличности серьёзным банкам... И, переложив заботу на плечи профессионалов, сами несколько расслабляются, проявляя удивительную небрежность в деле хранения паролей, пин-кодов и прочих заветных цифр. И за это следует наказывать.

По большому счёту, вором себя Торнадо не считал. Скорее, фининспектором, собирающим налог на беспечность.

Антиквариата не будет, решил Торнадо, осмотревшись. Люди здесь поселились продвинутые: современные компьютеры, по одному на члена семьи, новейшая музыкальная техника, исключительно модная одежда на вешалках. Здесь не стоит искать что-либо, сделанное хотя бы в прошлом веке, не говоря уж о позапрошлом. А жаль.

И потому несколько разочарованный Торнадо занялся установкой следящей микрокамеры, включавшейся, когда в помещении передвигались достаточно крупные объекты, и вскоре в стене появилось крохотное аккуратное отверстие – по толщине не больше спички, а по длине даже меньше. Закончив, Торнадо отступил на несколько шагов, прищелкнул пальцами – объектив совершенно незаметен, чему дополни-

тельно способствует пёстрый фон обоев, – и удовлетворенно хмыкнул. Камера нацелилась на экран и клавиатуру компьютера, принадлежавшего, судя по всему, главе семейства, и теперь оставалось надеяться, что именно отсюда он заходит в интернет-кабинет своего банка. Если же пользуется каким-то мобильным устройством, беда небольшая... Торнадо привык работать неторопливо и тщательно, этот визит первый, разведывательный, будут и другие, а переустановить камеру дело недолгое, и рано или поздно она зафиксирует искомое. После чего наступит черёд другого небольшого шпионского устройства...

Закончив возню с первой камерой, Торнадо размышлял, где бы ему установить вторую, но придумать ничего не успел – в кармане беззвучно завибрировал мобильник. Нахмурился: на дело он ходил с особым телефоном, память приборчика девственно чиста, а номер известен крайне ограниченному кругу лиц, дёргать по каким-нибудь пустякам не имеющих обыкновения. Значит, что-то срочное. Да и цифры на экранчике высветились знакомые, похоже, на одну из закинутых удочек клюнула рыбка...

Ответил вполголоса – звукоизоляция в доме приличная, но всё равно риск недопустим: соседи не должны из-за какого-нибудь каприза акустики услышать голос из якобы пустой квартиры, – но разговор не затянулся. Торнадо выслушал две фразы, ответил тремя словами и дал отбой. Убирая трубку в карман, задумчиво произнёс:

– Гварнери, говоришь... Любопытно...

И почесал в затылке.

Устанавливать вторую камеру не оставалось времени. До нужного места минут пять на машине, но оставил её Торнадо далеко, в двух кварталах, а уходить надо, как пришёл: не торопясь, не привлекая внимания.

На выходе он вновь раскланялся с консьержкой, не пожалевав одну из своих бесподобных улыбок.

* * *

– Откуда она у тебя? – поинтересовался неслышно подошедший Манасов.

Света попыталась прикрыть коробочку ладонью – жест инстинктивный и оставшийся незаконченным. В конце концов, она не школьница, застуканная на уроке учительницей за рассматриванием журнала мод.

Но рассказывать историю появления кольца и его упаковки не стоит... Манасову, во всяком случае, уж точно знать её незачем.

И она начала нерешительно, придумывая на ходу версию, позволяющую избежать новых вопросов.

– Досталась по случаю... моей подруге... она попросила взглянуть, оценить... в общем, провести экспертизу, неформально, по-дружески...

Экспромт получился достаточно складный. К кому, в кон-

це концов, обращаться за советом в таком деле, как не к дипломированному музейному работнику?

– Любопытно, любопытно... Разреши взглянуть?

Света помедлила секунду, пытаясь сочинить предлог для отказа, ничего не сочинила и с неохотой протянула коробочку.

Аркадий Орестович Манасов, известный в узких академических кругах под прозвищем Пончик, был личностью многогранной: и доктор наук, и преподаватель университета, и старший научный сотрудник Музея этнографии, и главный редактор издательства «Евразия», выпускавшего малыми тиражами научные монографии, но, кроме всего прочего, доктор исторических наук Манасов являлся научным руководителем Светы, а отказывать научному руководителю в пустячных просьбах себе дороже.

К тому же, невзирая на комичную внешность, навевающую мысли о хлебобулочных изделиях, Пончик и в самом деле был весьма знающим специалистом, и раз уж выпала оказия, неплохо бы услышать его компетентное мнение.

Завладев коробочкой, Манасов немедленно вооружился лупой и занялся дотошным осмотром. И почти сразу вынес вердикт:

– Голландия, восемнадцатый век. Я бы сказал, первая половина.

Какая-то деталь орнамента особо заинтересовала доктора: рассматривал её так и этак, с лупой и без неё, под разными

ми углами и на разном расстоянии от глаз. Но в результате лишь поскрёб ухоженную подковообразную бородку и про-изнёс разочарованно:

– Не пойму, кем сделана... Но не в каком-либо из ювелирных домов первой десятки. Можно, конечно, посмотреть в каталоге малоизвестных фирм... Однако без гарантии, клеймо полустёртое.

Слова и интонация явственно намекали, что сам он рыться в каталоге не будет, да и Свете не советует.

– Что здесь лежало? – поинтересовался Манасов, перейдя к изучению внутренней поверхности коробочки.

– Ничего интересного... Новодел.

Даже не соврала, змейка и в самом деле не показалась Свете старинной.

– Жаль, жаль... Такие вещи имеют цену не сами по себе, а в комплекте с кольцом, особенно если оно с историей. А так... неизвестный мастер, неизвестное происхождение... Можно смело просить две сотни, покупатель найдётся. Но если повезёт, если кому-то нужна упаковка именно такого размера и срочно, – пятьсот. Максимум.

Отчего-то Свете показалось на мгновение, что сейчас Манасов сам вызовется приобрести антикварную вещь или, по меньшей мере, скажет, что ему известен потенциальный покупатель. Но ошиблась. Научный руководитель вернул ей коробочку и перевёл разговор на более актуальную тему: не забыла ли уважаемая Светлана Павловна, что вчера имел ме-

сто дедлайн? А он таки место имел, однако вычитанная корректура статьи почему-то не лежит на столе у терпеливого научного руководителя одной нерадивой аспирантки. Почему? Может, потому, что аспирантка Кузнецова не нуждается в публикациях? Может, она решила сменить жизненную стезю и заняться торговлей старинными ювелирными аксессуарами?

Сцепив руки на объёмистом животике, Пончик ждал ответа на свои риторические вопросы. Руки у светила науки были коротенькие и едва позволяли обхватить упомянутую выпуклость.

Если шеф называл её не Светой, а по имени-отчеству, да ещё и «уважаемой», значит, был всерьёз недоволен. Пришлось посыпать голову пеплом, заверить в верности избранной стезе и клятвенно пообещать, что спустя час статья окажется у Манасова, и в бумажном виде, и в электронном (там и в самом деле оставалось на час неторопливой работы).

Шеф удовлетворённо кивнул, а чтобы жизнь не казалась нерадивой аспирантке Кузнецовой мёдом и сахаром, волевым начальственным решением назначил её заседать в комиссию по приёнке отреставрированных экспонатов – работа нетрудная, но съедающая массу времени: регулярно собираться, осматривать экспонаты, подписывать кучу бумаг... причём без прибавки к зарплате и без каких-либо ещё существенных бонусов. Разумеется, все сотрудники музея под любыми предложениями старались от данной миссии отвертеть-

ся. Разумеется, Света, проштрафившись со статьёй, достойного предлога выдвинуть не смогла, чем Пончик бессовестно воспользовался, пообещав, что сегодня же будет готов приказ директора, закрепляющий за Кузнецовой С. П. новую почётную обязанность. Хорошо ещё, что проставиться не предложил.

После чего удалился.

Разнос и демонстративная ссылка в нудную комиссию не позволили Свете расспросить Манасова о причинах утренних строгостей на входе в Кунсткамеру, хотя поначалу намеревалась. Ну его, задержится да и вспомнит ещё какую-нибудь нагрузку, которой можно облагодетельствовать аспирантку. Найдётся у кого разузнать.

...Разузнала спустя час, в курилке (корректурa статьи была закончена, необходимые правки внесены). Света не курила, но изредка спускалась к коллегам, пообщаться в неформальной обстановке.

Пообщалась и выяснила, что ночью имело место ЧП: не то попытка кражи, не то акт вандализма – единства мнений по этому вопросу не наблюдалось. Собственно же ЧП заключалось в том, что кто-то раскурочил дверь служебного входа – весьма прочную, надо отметить, дверь – кувалдой или ломом. Внутрь, судя по всему, покушавшиеся не проникли, сигнализация сработала исправно, и группа быстрого реагирования прикатила оперативно, что неудивительно – музей федерального значения, и охраняют его не полицейские из

райотдела, а сотрудники ФСО, те же, что стерегут Эрмитаж и Алмазный фонд. Так что ворам ничего здесь не обломилось, и, скорее всего, произошёл акт вандализма, а то и самое банальное пьяное хулиганство.

* * *

Торнадо не любил взламывать замки и отпирать их отмычками, да и опыта надлежащего не имел, он считал, что гораздо правильнее пользоваться ключами, пусть и незаконно добытыми, и, по большому счёту, вся суть его деятельности состояла в раздобывании ключей, паролей и пин-кодов.

Но как бы ни были беспечны люди в больших городах, ключи под ковриками у дверей они всё же не оставляют. Ключи надо уметь добывать, и аренда дорогих квартир с изготовлением дубликатов ключей была лишь одним из способов, применяемых Торнадо, существовали и другие. Например, он имел абонементы сразу в несколько бассейнов – ячейки для хранения ценных вещей запирались там, прямо скажем, от честных людей. Разумеется, никто из граждан, пришедших поплескаться в хлорированной водичке, пропажу не обнаруживал. Торнадо избегал соблазна взять наличность или золотые украшения: изымал ключи, стремительно делал слепки и аккуратно возвращал оригиналы на место. Заодно узнавал из документов личность и место жительства любителя поплавать. Не обходил вниманием и камеры хра-

нения торговых центров, держал под контролем три такие точки, раздобыв универсальные ключи, позволяющие отпереть любую ячейку. Создать более широкую сеть пока не получалось: во-первых, в каждом месте требовался сообщник, а не везде можно найти подходящего человека и осторожно нащупать к нему подходы, во-вторых, все точки должны быть расположены поблизости, чтобы оперативно отреагировать на полученную информацию.

Шанс обнаружить в ячейке камеры хранения ключи и документы ничтожно мал, зато ноутбуки время от времени попадались, а установить в них крошечную шпионскую плату и скрыть все следы подключения нового устройства – дело десяти минут, и ни один антивирусник не обнаружит последствий вмешательства. И именно на программы-вирусы будет грешить хозяин ноутбука, когда обнаружит пропажу со счёта изрядной суммы.

Вернее, так должно было происходить в теории, но до сих пор в эту сеть солидная рыба не заплывала, и после расчёта с осведомителями (а с ними скупиться себе дороже) оставалась мелочовка на сигареты. Но Торнадо был терпелив и верил, что однажды ему повезёт по-крупному...

И сегодня, похоже, подвернулся шанс.

Проход Степанович, более известный знакомым как дядя Проша, известил: кто-то сдуру оставил в камере хранения «Амазонии» – ни много ни мало – виолу или альт старинной работы, как бы не самого Гварнери. Ни образованием,

ни эрудицией дядя Проша не блистал, но в вопросах оценки ручной клади ему можно было верить – сорок лет отработал гардеробщиком в опере, насмотрелся.

Торнадо загорелся. Если в футляре действительно старинный музыкальный инструмент, он с ним не расстанется – спалиться на этом крайне специфическом рынке легче лёгкого. Нет, он повесит инструмент на стену, будет иногда касаться благородного дерева, словно бы обмениваясь рукопожатием с умершим три века назад великим мастером. Торнадо поверил, что ему повезло, и поэтому мгновенно примчался на одну из своих «точек», прервав установку видеокамер.

Дядя Проша подал малозаметный знак: всё, мол, в порядке, товар на месте.

Это хорошо.

Но время поджигает.

Из телефонного разговора Торнадо знал, что владелец инструмента – описанный как «высокий блондин» – отправился в офис «Аладдина», а там с клиентами работали более чем обстоятельно: не попытавшись впарить весь спектр дополнительных услуг, не отпустят. Но прошло уже двадцать минут, так что следует торопиться.

Охранника, порой маячившего в холле, не видно. Торнадо подозревал, что у того имеются какие-то неформальные договоренности с дядей Прошей, но в тонкости не вникал. С видеокамерой, наблюдающей за происходящим, не дого-

воришься, однако Торнадо давно продумал траекторию движения, чтобы лицо ни в коем случае не попало в кадр. А опознавать человека по фигуре – дело практически безнадежное.

Он уверенно подошёл к ячейке, уверенным движением отпер. Экс-гардеробщик не ошибся: и впрямь с первого взгляда видно, что футляр старинный и дорогой. Едва ли в нём будут носить дешёвую современную поделку, но проверить содержимое не время и не место.

Не суетясь, но и не мешкая, Торнадо забрал добычу и вновь запер ячейку. И пошагал прочь уверенными шагами, опять-таки по продуманной траектории – никто ни за что не догадался бы, что пульс у него участился раза в полтора, как всегда в такие моменты...

Всё тихо. Не слышно удивлённых возгласов: «Эй, а разве вы оставляли тут эту вещь?!» Нет истошных воплей: «Держи вора!»

Дело сделано, скоро тишина и спокойствие сменятся скандалом, истерикой, звонками в полицию и ссылками на табличку, извещающую, что администрация не несёт ответственности за оставленные вещи... Но спектаклем насладится лишь давний театрал Прохор Степанович, Торнадо к тому времени будет далеко. А хозяину инструмента – теперь уже бывшему – останется лишь проклинать себя за глупую беспечность.

Кашель – громкий, надрывный – раздался за спиной, ко-

гда Торнадо встал на эскалатор. Кашель – это был условный сигнал тревоги: что-то пошло не так. Торнадо оглянулся и увидел действительно высокого и действительно блондина. Коротко описав внешность беспечного покупателя, дядя Проша не упомянул, какие у него плечи – широченные, – да и общий вид хозяина футляра намекал, что он способен без особого труда обеспечить обидчику вторую группу инвалидности. А то и первую.

Блондин торопливо шёл к камере хранения.

Торнадо не запаниковал. Эскалатор уносил его вниз, и блондин со своей позиции мог увидеть лишь голову похитителя, и то ненадолго, но никак не драгоценный футляр. Пока он подойдёт к ячейке, пока отыщет ключ в кармане, пока отопрёт и пока осознает случившееся – времени как раз хватит, чтобы покинуть торговый центр. И всё же Торнадо ускорился, быстро пошагал по движущимся ступеням, держа футляр вертикально и прикрывая его телом от взглядов сзади. На всякий случай.

Внизу густо толпились женщины вокруг лотка с косметикой – не то бесплатная рекламная раздача, не то удивительно дешёвая распродажа, – Торнадо ужом проскользнул сквозь них, быстро дошёл до выхода и перед раздвижными дверями бросил контрольный взгляд через плечо, уверенный, что блондин оторопело созерцает опустевшую ячейку.

Как бы не так!

Блондин бежал по ступеням эскалатора.

И Торнадо понял, что спалился. Как это произошло и почему, неясно, да и некогда разбираться. И выдерживать неторопливый темп некогда – надо уносить ноги.

Выскочив из «Амазонии», Торнадо горько пожалел, что по привычке оставил машину вдалеке, сейчас подобная предосторожность работала против него. Бросить инструмент и смываться налегке? Альтернатива – устраивать забег по улицам под вопли: «Лови мерзавца!»

Два варианта, и оба – хуже не придумаешь.

И тут судьба подкинула ему спасательный круг. Зелёные цифры на светофоре замигали, сообщая, что до окончания перехода оставалось три секунды, и Торнадо рванул по «зебре» с высокого старта. Вполне мотивированный, не привлекающий внимания спринт: торопливые пешеходы в большом городе – зрелище обыденное.

Вор выскочил на противоположный тротуар уже на красный, подгоняемый клаксонами нетерпеливых водителей. И с удовлетворением понял, что плотный поток машин отрезал его от погони – сунуться под колеса мог лишь преследователь-самоубийца. Торнадо быстро пошагал прочь, не рискуя оглянуться и по-прежнему прикрывая футляр телом.

Вероятнее всего, блондин преследовал всё же не конкретного человека. Он просто быстро соображает и быстро бежит – мгновенно дотумкал, что вор не мог далеко уйти и сейчас направляется к выходу... Но к выходу вёл лишь один путь, а от него – множество, и теперь спортивного вида музы-

кант недоумённо вертит головой в дверях «Амазонии», пытаясь разглядеть похитителя среди многочисленных прохожих.

Полминуты спустя Торнадо всё-таки обернулся. И понял, что поспешил с оптимистичным прогнозом. Блондин не стоял на месте и не метался туда-сюда без толка и смысла. Он бежал через вновь открывшийся пешеходный переход.

Сомнений не осталось: погоня идёт за конкретным человеком, за Торнадо. Но почему блондин не призывает на помощь прохожих и полицию? Почему пытается управиться своими силами? Не краденый ли у него инструмент случайно? По виду-то владелец футляра совсем не похож на ботаника, с детства бегавшего в музыкальную школу, скорее в спортивную...

В другое время Торнадо улыбнулся бы иронии ситуации: вор у вора добычу украл, однако сейчас было не до улыбок, потому что одним из этих воров был он, а второй выглядел дипломированным специалистом по отвинчиванию чужих голов. И встречаться им ни в коем случае нельзя. Крошечной форы хватит, чтобы успеть юркнуть в машину и уехать, однако номер будет засвечен, а он настоящий, и пробить его по базе ГИБДД минутное дело... Прокол. Недоработка.

Но Торнадо не был бы собой, если бы не имел в рукаве ещё одной краплёной карты. Окружающую местность он изучил загодя и досконально, приметив одно интересное местечко, как нельзя лучше подходящее для того, чтобы оторваться от

слежки или погони. Разумеется, он всё и всегда планировал так, чтобы слежек и погонь не случилось, но лучше иметь и не нуждаться, чем нуждаться и не иметь.

До заветного места оставалось полтора десятка шагов, Торнадо преодолел их и свернул под арку. Двор за ней выглядел нарядно: затейливо изогнутые клумбы, фонари на невысоких металлических столбиках замысловатой формы, дорожки, усыпанные белой мраморной крошкой... И двор был не простой, на первый взгляд глухой, и на второй тоже, а на самом деле проходной. Для тех, кто знает, как пройти.

Торнадо знал. Пробежал мимо парадных, обогнул синие мусорные баки, выстроившиеся рядком в дальнем конце двора, и нырнул в узкую, меньше ярда шириной, щель между флигелем и брандмауэром.

Чтобы обнаружить щель, надо подойти к ней вплотную. И преследователь, заскочив во двор, наверняка решит, что Торнадо вошёл в один из подъездов – ход мысли более чем естественный в подобной ситуации, – и примется искать чёрную кошку, которой нет в тёмной комнате.

Торнадо просочился сквозь узенький проход и оказался даже не во дворе – в глухом закутке размером примерно семь на четыре. Дверь сюда выходила лишь одна, здоровенная, металлическая, с черепушкой, перечёркнутой красной молнией, и надписью, сулящей убить всех входящих. Окон не выходило вообще.

Выбраться отсюда в соседний двор, тоже вполне цивили-

ный, можно было через другую щель, такую же узкую, однако у того жёлто-кирпичного ущелья стояли двое.

И демонстративно перегораживали выход.

А едва Торнадо сделал шаг, как сбоку нарисовался и третий: скользнул за спину, закупорив массивной тушей вход.

Добро пожаловать в неприятности.

Вечерами в неблагополучных районах такие встречи случаются сплошь и рядом, и Торнадо, старавшийся предусмотреть любые случайности, всегда готовился к эксцессам и без ствола (легального!) в криминальных местах не появлялся. Но он никак не ожидал столкнуться с проблемами здесь, в центре, в трёх шагах от Сенной...

К тому же на мелкоуголовную шпану троица никоим образом не походила – чистенькие, сытенькие, прилично прикинутые. На всех троих – здоровенные солнцезащитные очки, неуместные в этой дыре, куда солнце заглядывает минут на двадцать в погожий полдень.

Готовятся к «мокрухе»?

Торнадо не сбился с ноги, шагал как шагал, правда, чуть медленнее, чем планировал, но расстояние до парочки сокращалось быстрее, чем ему хотелось. Третий шумно топал сзади, в паре шагов.

Один из загородивших дорогу вертел в пальцах блестящий предмет, похожий на зажигалку. Другой пялился на что-то небольшое, укрытое в ладони, и пялился, как показалось Торнадо, недоумённо. Впрочем, обстановка была самая

неподходящая для анализа чужих эмоций.

Не отрывая взгляд от своей игрушки, второй произнёс избитые, сакраментальные, затёртые до дыр слова:

– Закурить не найдётся?

Из как бы зажигалки с тихим щелчком выскочило лезвие «тополиный лист».

Закурить у Торнадо отсутствовало. И оружие – тоже. Что же касается рукопашных разборок, то вор по молодости пробовал себя в боксе и айкидо и с сожалением понял, что Чаком Норрисом ему не стать. Кое-какие навыки сохранились, и с одним противником он, пожалуй, рискнул бы схватиться, но трое, даже не принимая в расчёт нож, выше его возможностей. Изувечат.

В общем, он вляпался. В дерьмо. По самую макушку.

Глава 4

Как живут утонувшие в спирте

Из директорского приказа, вручённого под роспись аспирантке Кузнецовой, следовало, что она теперь назначена не просто членом комиссии по приёвке экспонатов, но сразу же заместителем её председателя, доктора исторических наук Манасова А. О. Света, естественно, заподозрила, что Манасов назначил её заместителем, чтобы избавиться от докучливой заботы, но ошиблась, и сегодня шеф тоже присутствовал при подписании акта сдачи-приёмки работ. Как вскоре выяснилось, заявился он для того лишь, чтобы поторговаться, поскольку буквально каждая прочитанная в акте строка сопровождалась примерно такими репликами Пончика:

– Сколько-сколько стоит эта стекляшка? Вы, наверное, её выточили из цельной глыбы горного хрусталя? Или по ошибке приписали лишний нолик?

Представитель реставраторов, пожилой усатый мужчина в очках с толстыми линзами, устало объяснял, что посуда потребовалась уникальная и по размеру, и по форме, вследствие чего был открыт специальный заказ на стеклозаводе в Дружной Горке, с соответствующей оплатой, а стекло действительно непростое, ударопрочное и химустойчивое, с особыми оптическими свойствами.

Манасов выслушивал объяснения невнимательно, скептически хмыкал и переходил к следующему пункту.

Самое же интересное заключалось в том, что никакого смысла в базарном моноспектакле не было: все затраты согласовывались заранее, при подписании договора на проведение реставрационных работ. Комиссия могла работы принять или могла, при наличии тех или иных дефектов, отказаться от приёмки, но торг, как говорится, здесь был неуместен.

Пончик и сам это прекрасно понимал, однако привередничал и торговался, причём делал это не только из любви к искусству. Света знала, что у шефа особое и крайне неприязненное отношение к самым первым экспонатам, с которых, собственно, и начиналась три века назад Кунсткамера, – к заспиртованным уродцам и диковинам. Пончик считал их пережитком мракобесного Средневековья, когда толпы на ярмарках сбегались поглазеть на уродов, с нулевой научной или исторической ценностью, а потому считал затраты музея на реставрацию шарлатанских поделок выброшенными деньгами.

Именно такая шарлатанская поделка стала сегодня объектом приёмки. Причём «монструз» даже не выставлялся в основной экспозиции, хранился в запасниках, что ещё больше увеличивало негодование Пончика и его сожаление о бездумно растраченных финансах. Вероятно, изображая еврея на одесском привозе, Манасов пытался донести до реставра-

торов простую мысль: никогда и ни под каким видом не соглашайтесь работать с заспиртованными уродцами.

Измотав присутствующих придирами к документам, Манасов наконец-то соизволил перейти непосредственно к осмотру экспоната, очевидно планируя второй этап антишарлатанского шоу. Пресловутая колба с «монструзом» стояла на вращающемся столе, отчего-то до сих пор задрапированная в чёрную ткань, перехваченную шпагатом.

Пончик двинулся к столу, пощёлкивая ножницами, – ни дать ни взять государственный деятель, собирающийся перерезать ленточку на открытии чего-либо свежестроенного. Остальные члены комиссии потянулись следом, а вот реставратор, напротив, отступил на несколько шагов и смотрел в сторону – Света в тот момент решила, что старик не желает выслушивать новые филиппики Пончика, надоевшего ему хуже горькой редьки. Лишь много времени спустя она поняла, что ошибалась и дело было не в шефе.

Ткань сползла с ёмкости. Называемая по традиции колбой, вместимостью она не уступала хорошему бочонку, не меньше сотни литров, пожалуй, что само по себе делало экспонат достаточно уникальным, во времена его создания люди и животные, появившиеся на свет с ярко выраженными физическими уродствами, долго не жили и больших размеров не достигали.

Мастера-стеклодувы из Дружной Горки расстарались – новая колба практически ничем не отличалась от оригиналь-

ной. Так же стягивал её потемневший серебряный обруч – тот же самый, покрытый готической латиницей. Однако теперь он играл чисто декоративную роль: разумеется, прикрываемую им трещину в толстом стекле реставраторы не имитировали.

Трещина, собственно, и стала причиной реставрационных работ, и давних, проведённых сотни лет назад, и современных, только что завершившихся. Результат труда старых мастеров, стянувших обручем треснувшую колбу, прослужил долго, но всё же дефект постепенно, практически незаметно, увеличивался. Как пояснил всезнайка Манасов, уровень механических вибраций, людьми не замечаемых, в современном мире в десятки раз выше, чем в Средние века... Вибрации тому были причиной или нет, но минувшей зимой течь стала заметна невооружённым глазом: уровень консервирующей жидкости убывал, по всему помещению распространялся резкий неприятный запах.

Что же касается обитателя стеклянной ёмкости, то его Свете рассмотреть сейчас толком не удавалось, поскольку стол с экспонатом стоял в плохо освещённом углу. Да и не хотелось, честно говоря, рассматривать.

Манасов, напротив, желал всё осмотреть досконально, невзирая на свою нелюбовь к «шарлатанским поделкам». Собственноручно включил подсветку, направленные со всех сторон лучи света залили колбу, и аспирантка Кузнецова поневоле поглядела в ту сторону.

Уродец выглядел... Да как самый настоящий уродец он выглядел, другого слова не подобрать. Сгорбленное тельце и сморщенное личико выглядели отчасти человекообразными, но лишь отчасти. Кисти скрюченных, непропорционально маленьких рук украшали загнутые когти, задние же конечности заканчивались копытцами. Хвостик существа завивался спиралью, наводя на мысль о поросятах, и под стать ему был нос, более смахивающий на свиной пяточок. Из спины торчали два отростка, напоминавшие рудиментарные птичьи крылья.

Имелась в этом эклектичном смешении человеческих и звериных черт одна деталь, ни людям, ни животным обычно не свойственная: во лбу уродца красовался третий глаз, широко раскрытый и огромный, раза в три крупнее двух других – те были невелики и полуприкрыты веками.

В общем и целом «монструз» напоминал творение голливудского специалиста, подвизавшегося на ниве малобюджетных ужастиков.

Впечатление это было недалеко от истины – в колбе и в самом деле находилось не извращённое творение природы, но результат человеческих трудов. Света знала, что примерно так представляли в Средние века потомство от связи земных женщин с демонами ада, а то и с самим Сатаной, и мастера-чучельники искусно составляли их из разнородных частей.

Манасов разглядывал уродца, изобразив на лице крайне

брезгливое выражение. Затем достал из кармана несколько снимков, запечатлевших с разных ракурсов экспонат до отправки на реставрацию, и принялся с преувеличенным вниманием сравнивать их с тем, что видел перед собой. Но придраться, похоже, было не к чему, и это обстоятельство печалило Светиноного шефа до невозможности. Он раздражённо крутанул стол, позволявший поворачивать и осматривать со всех сторон изучаемые объекты, но сделал это слишком сильно – колба вместе с содержимым закрутилась на манер центрифуги.

– Осторожнее, – проворчал реставратор.

И Пончик, вконец разозлившись, остановил вращение. Стол замер неподвижно, замерла и колба. Но её содержимое продолжило вращаться, постепенно замедляясь. Эффект, хорошо известный: если резким движением кисти руки крутануть, например, банку со сливовым компотом, то и плоды, и сироп продолжают вращаться, когда стекло прекратит движение. Инерция из учебника физики для шестого класса.

Света не до конца позабыла школьный курс физики и хорошо понимала, почему «монструз» не желает прекратить медленное и неторопливое движение. Но всё равно ей стало не по себе: показалось, что заспиртованное существо осматривается, внимательно оглядывает своим огромным глазом помещение и собравшихся в нём людей. Словно бы ищет что-то или кого-то...

Ещё четверть оборота – и глаз уставился прямо на неё. «Коровий глаз, всего лишь коровий, – убеждала она себя, – или же конский, а крылышки от какой-нибудь перепёлки...»

Но помогало слабо, Света не выдержала, отвернулась и пропустила тот момент, когда Манасов, издав странный булькающий стон, рухнул на пол: увидела своего научного руководителя уже лежащим неподвижно, лишь левая его нога подёргивалась, слегка сгибаясь и разгибаясь в коленке.

* * *

Здание на Дачном проспекте – старинная постройка второй половины восемнадцатого века – казалось нежилым и необитаемым: облупившиеся стены и фронтон, окна первого этажа заколочены деревянными щитами, а на втором лишились стёкол, лишь кое-где в рамах поблёскивают уцелевшие осколки. Вокруг здания и прилегающей территории тянулся высокий глухой забор, на воротах висел плакат, сообщавший, что работы по реконструкции выполняются ООО с длинным и официально звучащим названием: «Спецрегион-чего-то-там-строй» (генподрядчик – ООО «Чудь-Инжиниринг»), ниже – список с именами ответственных за реконструкцию лиц и с номерами их телефонов. Всё как положено.

Внимательного наблюдателя могла смутить дата с плаката – была она семилетней давности, что, в сочетании с внеш-

ним видом строения, заставляло предположить: ООО, если даже ещё и существует, к реконструкции приступать не торопится. А скорее всего, уже не существует, и перечисленным ниже господам бесполезно звонить по указанным телефонам, всё равно не ответят.

Между тем здание заслуживало реконструкции. Не шедевр архитектуры мирового значения, конечно, но вполне достойный представитель стиля «елизаветинское барокко»: два ажурных двухэтажных крыла здания изогнулись правильной дугой, над ними, по центру, – невысокая, но обширная башня, обрамлённая колоннадой и увенчанная куполом. Чувствовалась рука итальянского архитектора или же русского, побывавшего в Италии и вдохновлённого видом местных палаццо. Здание действительно можно было назвать небольшим дворцом – загородным дворцом, учитывая, что в момент возведения оно находилось далеко за пределами городской черты. Или большим загородным особняком, кому как удобнее.

Заброшенный вид особняка-дворца позволял допустить, что внутри зачастую находят приют бомжи, и маргиналы, желающие раздавить бутылку палёной водки, и прочие асоциальные личности, прячущие от сторонних глаз свои мелкие и тёмные делишки.

Ошибочное допущение.

Дотошный исследователь, сумевший преодолеть забор (что, несмотря на его заброшенный вид, было бы отнюдь не

просто) и проникнуть внутрь здания (тоже не самая тривиальная задача), никаких подобных следов не обнаружил бы. На первом этаже – грязь, пыль, запустение, отвинчено и унесено всё, что можно было отвинтить, а что нельзя – выдрано с мясом и тоже унесено. Не осталось ни внутренних дверей, ни электропроводки, ни водопроводных и канализационных труб... Ничего не осталось. Но при том нигде не видно пустых бутылок, использованных шприцев и презервативов, прочих следов не очень культурного досуга. И если бы гипотетический исследователь, не разочаровавшись в своей затее, поднялся на второй этаж, узрел бы то же самое, плюс кучи полусгнивших листьев, нанесённых в разбитые окна.

А вот в башню любитель заброшенных помещений попасть бы не сумел, даже обнаружив ведущую туда лестницу, – уткнулся бы в глухую кирпичную кладку, перекрывающую проход, и отправился бы домой, решив: местечко унылое, как проза графомана. И ошибся бы – самое интересное находилось как раз наверху.

Обширный полукруглый зал занимал ровно половину башни, и в убранстве его старинные гобелены и портьеры соседствовали с современной офисной мебелью, кронштейны для факелов – с лампами дневного света, а современная оргтехника – с приборами древнего вида и загадочного назначения. Никакого единства стиля, сплошная эклектика. Но те, кто оборудовал зал, о дизайне заботились меньше всего, не желая жертвовать функциональностью ради внешнего вида.

За перегородкой, во второй половине башни, находились комнаты отдыха, а также служебные и технические, и служило это помещение штаб-квартирой Северо-Западной Комтурии Ордена, а само здание занесённые в Питер обитатели Тайного Города называли просто Башней.

Комтурия представляла в регионе интересы Ордена, но на деле обязанности рыцарей сводились в основном к наблюдению за дикими масанами и к уничтожению наиболее опасных из них, ради поддержания режима секретности на территории ближайшего к Тайному Городу мегаполиса. Служба необременительная, но вдали от высшего начальства и высших дел Ордена... Другими словами, проявить себя в Питере было трудно, и потому назначались в Комтурию или неопытные юнцы, или проигравшие интриганы, втаптывающие в гранитные берега Невы свою карьеру. И только лейтенант Тург де Бро, комтур Санкт-Петербурга, служил здесь охотно и по собственному желанию: Тург с юности настолько полюбил имперский город, что готов был терпеть даже его нелепый климат.

Тург стал символом Комтурии, её постоянной величиной, в последние тридцать лет – её главной величиной, бессменным руководителем, и он не мог представить, что кто-то из оказавшихся в Санкт-Петербурге рыцарей не станет ему подчиняться.

Но они оказались.

И не подчинялись.

Более того, они с комфортом разместились в Башне и принялись за работу. Выказав комтуру уважение, но чётко дав понять, что в его услугах и тем более в его приказах не нуждаются.

Большого унижения лейтенант Тург де Бро не испытывал с тех пор, как получил пощечину от Линды ле Диаберден за... В общем, получил пощечину.

То унижение молодой де Бро проглотил. Съел и это, потому что приказы Великого магистра не обсуждаются и обязательны к исполнению.

И Тург исполнил, как сумел: с каменным лицом принял посланцев Ордена, провёл с краткой ознакомительной экскурсией по оперативному залу, после чего отбыл в загородную резиденцию, свалив все заботы по общению с гостями и координацию совместной работы на племянника, сержанта Эрла де Бро.

Молодой Эрл относился к появлению чужаков примерно так же, как дядя, только не имел возможности от них убраться, и потому на отладку «взаимодействия» ушло гораздо больше времени, чем ожидали посланцы Великого магистра. Тем не менее постепенно всё наладилось.

Происходила работа так: в левом углу высился пеленгатор – громоздкое сооружение, напоминавшее отлитую из бронзы Эйфелеву башню в миниатюре, при котором, сменяясь, дежурили питерские рыцари – они пытались обнаружить эманации Меча, если таковые появятся. Поскольку ис-

кали чуды именно Меч, работа установки основывалась не на контроле за повышением магического фона, которое мог вызвать любой артефакт, а на использовании кристалла-близнеца, сопряжённого с тем, что украшал рукоять похищенного рыцарем де Гри оружия. С компьютерами, на которых работали прибывшие рыцари, пеленгатор не соединялся – вредный Эрл сообщил, что «магопорт перегорел, а приобретение новых плат бюджетом Комтурии на этот год не предусмотрено», – и потому данные передавались по старинке, голосом, благо всё происходило в одном помещении.

Прибывшие – Трес де Лоу, рыцарь ложи Саламандры, и двое его помощников, Арлон Дарк и Виан, – тоже работали посменно, по четыре часа: один за компьютером, другой отдыхает, третий готов при тревоге немедленно подключиться к работе. Их задача состояла в том, чтобы руководить в режиме реального времени действующими в городе боевыми группами и наводить их на цель, с использованием полученных от местных магов данных.

Вот так всё и работало... Вернее, должно было заработать сегодня, поскольку первые два дня ушли на организационные вопросы и отладку нехитрой системы. И на попытки рыцаря де Бро в каких-нибудь мелочах ущемить приезжих.

На исходе сегодняшней ночи началось, так сказать, боевое дежурство. Потянулись часы ожидания, дежурные успели дважды смениться, но Меч пока никак себя не проявил.

Рыцарь Эрл де Бро непосредственно в трудах совместной

группы участия не принимал, осуществляя общий надзор и координацию. То есть сидел в оперативном зале и размышлял, как спровоцировать де Лоу на какой-нибудь необдуман- ный поступок, позволяющий удалить чужаков из Башни. По- рой в рыжую голову рыцаря приходила свежая идея, и тогда он обращался к Тресу с таким, например, вопросом:

– Я недавно видел, как в Человском магазине продавалась замороженная рыба треска, на вид крайне неаппетитная. Да- же, как мне показалось, тухлая. Ваше имя случайно проис- ходит не от неё?

И получал ответ, звучавший без малейшего следа эмоций:

– Это родовое имя старинной и почтенной фамилии Ве- ликого Дома Чудь.

Казалось, что ледяное спокойствие де Лоу можно колоть на кубики и использовать для приготовления коктейлей, и за это Эрл де Бро ненавидел его всё сильнее...

Впрочем, одну маленькую месть приезжий себе всё же позволил. После диалога о «рыбьем» имени начал произно- сить фамилию де Бро без паузы, так, что на слух получалось очень похоже на плебейское Дибро. Эрл негодовал, но мол- ча – рыцарский кодекс не позволял затевать ссоры по таким малозначительным поводам.

Третий день совместных трудов тоже начался с попыт- ки вывести из себя хладнокровного чужака. Накануне ры- царь Эрл хорошенько выспался, появился в Башню поздним утром и на свежую голову придумал замечательное, невинно

звучавшее, но весьма двусмысленное оскорбление, которое Трес наверняка не сможет оставить без ответа.

Он подошёл к де Лоу, открыл было рот, но что именно он сочинил в надежде взбесить противника, так и осталось невысказанным: сидящий у пеленгатора чуд подавал голос:

– Есть отклик! Очень слабый... Но это он!

И де Лоу, на тот момент выступавший в роли подвахтенного, метнулся к консоли, сел на операторское место.

– Тревога! – И, не поворачиваясь, ткнул указательным пальцем в сторону дежурившего у пеленгатора мага: – Данные – непрерывно!

Эрл же остался стоять с открытым ртом. Потом закрыл его и решил отложить выяснение отношений до подходящего случая. Поимка де Шу важнее.

От пеленгатора забубнили:

– Двести восемьдесят девять... двести восемьдесят девять... двести восемьдесят девять... двести восемьдесят девять... Двигается почти по прямой!

– Отставить пеленг! Дистанция? – отрывисто бросил де Лоу. И тут же, не поворачиваясь, командовал Арлону: – Данные от групп, постоянно!

– Дистанция – двенадцать сто шестнадцать, погрешность до трёхсот! – откликнулся пеленгатор.

– Вторая – ноль, первая – ноль, – доложил чуть позже Арлон Дарк.

В составе мобильных групп находились маги, способные обнаружить эманации Меча на относительно небольшом расстоянии, однако пока они молчали.

– Ар, не спи! Точку на экран!

Дарк забарабанил пальцами по клавиатуре.

Этот чужак, пожалуй, раздражал Эрла больше всего – типичный «ботаник», понятия не имеющий, зачем благородному рыцарю нужен меч. А тот факт, что Арлон Дарк разбирается в компьютерах лучше, чем все рыцари Комтурии, вместе взятые, не стоил в глазах Эрла де Бро даже ломаного гроша.

На громадном экране с интерактивной картой города замерцала красная точка. Вернее, учитывая погрешность, красное пятно, накрывавшее не меньше десятка домов.

По залу летали отрывистые слова команд. Клавиатуры чуть не дымились. Работал Трес де Лоу на загляденье – для тех, кто понимает толк в оперативном управлении. Принимал мгновенные решения, в условиях быстро меняющейся обстановки, на основании информации, одновременно поступающей по нескольким каналам.

Но рыцарь де Бро смотрел на действия Треса неодобрительно. А если называть вещи своими именами, то с завистью.

– Группы – на экран! Вторая и Первая – постоянно! Дистанция и пеленг – с интервалом тридцать!

– Масштаб в плюс! Ещё в плюс!

– Пеленг прежний, дистанция – двенадцать сто тридцать девять, погрешность – двести семьдесят!

– Вторая – ноль, Первая – ноль!

– Третью группу на меня!

– Вторая – ноль, Первая – ноль!

– Но Третья... там только челы...

– Вторая – ноль, Первая – ноль!

– Третью – на меня!! Быстро!!

– Пеленг прежний, дистанция и погрешность прежние!

– Масштаб в плюс! Первая постоянно, Вторая – интервал тридцать! Пеленг, дистанция – интервал тридцать!

У рыцаря де Бро голова шла кругом от быстрых реплик, носящихся по залу и ricoшетающих от стен, как шарики для пинг-понга. Оценить значение и смысл произносимых с разных сторон цифр он не успевал и сосредоточился на экране.

Масштаб карты значительно увеличился. Теперь там оставались две точки: красная, застывшая на месте, и приближающаяся к ней зелёная. Третья группа, ближайшая к цели, выходила на неё, повинаясь командам Треса де Лоу. Рыцарь Эрл с тайным злорадством ждал, когда тот ошибется, не вовремя отпустит или нажмёт кнопку микрофона – и в эфир уйдёт команда, предназначенная Виану или Арлону... Напрасные надежды: Трес не ошибся ни разу.

– Есть Вторая! Пеленг – сто тридцать, дистанция – два триста семнадцать, погрешность – сто один! Объект неподвижен!

– Масштаб – максимум! Пеленги, дистанции – при изменении. Третья, сто ярдов вперёд, поворот налево! Плевать на знак!!

– Пеленг – двести восемьдесят семь, дистанция – плюс пять, объект двинулся!

– Вторая – дистанция минус семь – объект двинулся! Первая – объект двинулся!

– Третья, отставить поворот! Стоим, ждём! Виан – вводишь пеленги без доклада!

Ситуация на карте изменилась на обратную: красная точка сдвинулась с места, зелёная застыла неподвижно. Масштаб позволял теперь разглядеть не только каждый дом в подробностях, но и каждую клумбу в сквере и тому подобные мелкие детали городского ландшафта.

Повисла пауза. Воцарившаяся тишина казалась странной, неправильной. Трес, не отрываясь, смотрел на экран.

– Сейчас сядет в машину... – негромко произнёс Арлон. – А им туда не проехать.

– Отставить болтовню! Третья, на разворот! Полста ярдов вперёд!

– Куда ты их?

– Заткнись, Виан! Третья, покинуть машину! Быстро! Налево, под арку!

Рыцарь де Бро, глядя на движение зелёной точки, сообразил: группа двинулась проходным двором, срезая путь. Если поспешат, могут успеть... Но следующая команда оказалась

неожиданной:

– Через двор – и снова налево! Стоим, ждём! Готовность ноль!

Эрл с запозданием перевёл взгляд на красную точку и всё понял.

* * *

Перемножение отрицательных чисел даёт положительный результат не только в математике. В жизни тоже порой случается так, что две неприятности, наложившись, взаимоуничтожаются, и всё оборачивается не так уж скверно.

Но Торнадо был крайне далёк от этой утешительной мысли, когда плечистый блондин ворвался в закуток между трансформаторной будкой и глухой стеной – брандмауэром. Незадачливый беглец успел тоскливо подумать, что число желающих избить его ногами увеличилось ещё на одну персону... И что сейчас будет очень больно.

Однако события пошли по неожиданному сценарию. Даже не пошли – помчались, всё происходило стремительно и одновременно.

Торнадо услышал вопль:

– Это он!

Кричал один из парочки, преградившей путь, тот, что паялился на непонятный предмет на своей ладони. А сзади слышались возня и звук удара. Торнадо оглянулся, увидел,

как получивший мощнейший удар здоровяк отскакивает от стены, словно каучуковый мячик, и снова устремляется на блондина. Двое других тоже ринулись в схватку, пронеслись мимо Торнадо, как мимо пустого места. Один продолжал сжимать в руке выкидной нож, но второй – тот, что кричал, – уронил под ноги нечто, показавшееся айфоном.

Торнадо подхватил упавший гаджет – инстинктивно, повинуясь мгновенному импульсу, – и рванул наутёк. Как бы ни было приятно глазу зрелище драки между блондином и гопстопниками, любоваться не было времени.

Он выскочил во второй двор, метеором пролетел по нему, каждое мгновение ожидая услышать за спиной топот пого-ни. Погони не было. А из закутка доносились звуки, свиде-тельствующие, что он не ошибся, высоко оценив бойцовские качества блондина, – схватка с тремя противниками продол-жалась.

Выбежав на улицу, Торнадо не сбавил аллюр. Пусть будут глазеть прохожие, и наплевать, что они при этом подумают. Казалось, что страшный блондин-терминатор сейчас быстро покончит с троицей незадачливых грабителей и вновь ринет-ся в погоню, беспощадный и неумолимый. В том, как он безошибочно взял след Торнадо, было нечто сверхъестествен-ное. Казалось, что преследователь обладает верхним чутьём собаки-ищейки...

Лишь плюхнувшись на сиденье своей машины, Торнадо поверил, что оторвался. Руки подрагивали и никак не могли

попасть ключом в замок зажигания, сердце колотилось бешено, адреналин продолжал бурлить в крови. Не самое лучшее состояние для езды по улицам с плотным движением, но посидеть в машине и успокоиться Торнадо не согласился бы ни за какие коврижки. И ни за какие старинные скрипки, виолы, виолончели и альты с контрабасами, хоть за все в совокупности творения Страдивари, Гварнери и Амати, сколько бы их ещё ни осталось на свете...

Он бросил взгляд на футляр, прислонённый к спинке соседнего сиденья. Удалось... Натерпелся, но всё-таки удалось! Торнадо переложил футляр назад, там сквозь тонировку никто его не разглядит.

Отъезжая от тротуара, он бросил в зеркало заднего вида совсем другой взгляд – опасливый. Но нет, характерной плечистой фигуры нигде не видно...

Прежде чем ехать домой, Торнадо припарковался в уединённом месте, чтобы успокоиться и поразмыслить о некоторых деталях случившегося. А ещё ему не терпелось взглянуть на добычу.

В процессе размышлений родилось нехорошее подозрение: а что, если в старинном футляре лежит вовсе не старинный музыкальный инструмент? И даже не современный? Дело не в том, что блондин ничуть не выглядел похожим на музыканта, внешность бывает обманчива. Но почему он пытался вернуть свою собственность молча и в одиночку? Почему не призвал на помощь охрану торгового центра или по-

лицию, как поступил бы законопослушный владелец музыкального антиквариата?

Самых очевидных ответов два: или антиквариат краденый, или в футляре лежит нечто иное, насквозь криминальное. Но кто же будет таскать, например, наркотики в столь приметном хранилище? Нет, размеры и форма футляра наводили первым делом на мысль о длинноствольном огнестрельном оружии... А кондиции блондина – на мысль о киллере.

Познания о киллерах были у Торнадо исключительно теоретическими, почерпнутыми из кинобоевиков, но ему не импонировала идея стать владельцем снайперской винтовки, из которой, может быть, недавно завалили политика или бизнесмена. Попытался вспомнить, не случилось ли в последнее время резонансных убийств, не вспомнил, за новостями такого рода Торнадо следил невнимательно.

И он решил, не откладывая, прямо в машине вскрыть футляр и проверить нехорошие догадки. А если они подтвердятся – немедленно избавиться от опасной добычи.

И приступил к вскрытию футляра.

Точнее, просто поднял крышку, поскольку футляр не был заперт. А его содержимое вдребезги разбило все догадки и дяди Проши, и самого Торнадо.

В футляре лежал меч.

Версия о киллере отпала сразу и бесповоротно. Возможно, наёмные убийцы века этак двенадцатого пользовались

подобным оружием, но нынешние точно нет.

К тому же меч не показался Торнадо старинной вещью. Скорее, новодел... Ну кто бы стал в те далёкие времена вставлять в рукоять рубин таких размеров – мечи тогда предназначались для войны, где всевозможных случайностей хватает. Бижутерия, в общем. И клинок слишком короткий, по крайней мере в сравнении с теми мечами, что Торнадо случалось видеть в музеях и костюмных фильмах.

Но сталь клинка оказалась острой, не бутафорской. Торнадо коснулся – лишь коснулся – лезвия подушечкой пальца и тут же сморщился, отдёргнул руку. На пальце быстро набухла алая капля, сорвалась вниз, упала на клинок.

И в этот миг Торнадо ощутил неприятную дурноту. Сознание не потерял, но машина вокруг него поплыла, как после изрядной порции спиртного, ноги стали ватными, а в ушах зазвучала какофония, словно бы из миллионов голосов, говорящих одновременно.

Длилось всё недолго, секунду-другую, и прошло бесследно.

«Перенервничал», – подумал Торнадо, доставая из автомобильной аптечки пластырь. И решил все дела на сегодня отменить, отправиться домой и завалиться спать.

Контакт с острой сталью меча заставил усомниться: может, всё-таки настоящий? Но в мечах он понимал мало и не стал продолжать исследование. Имеется на примете консультант – Славик Чернецов, школьный приятель, с давних лет

увлекающийся реконструкцией и историческим фехтованием. К нему и надо обратиться...

О трофейном гаджете, подобранном в проходном дворе, Торнадо позабыл напрочь. Вспомнил, лишь когда в своём подъезде потянулся за ключами и обнаружил трофей в кармане.

Зачем, спрашивается, брал? Из железного правила – работать исключительно с деньгами и никогда не трогать чужие вещи – существовало единственное исключение, касавшееся антиквариата. Тем более что выследить похитителя мобильного устройства легче лёгкого. Хорошо ещё, что гаджет оказался не айфоном и вообще не имел отношения к связи.

«Выброшу», – решил Торнадо, входя в квартиру. Но сначала приборчик стоило изучить, потому что в поведении троицы грабителей тоже имелись кое-какие странности.

Гаджет оказался портативным фотоальбомом. Электронным, разумеется. Небольшой экран, разрешение паршивенькое – дешёвка по нынешним меркам, хотя несколько лет назад такой альбом казался бы современным, навороченным и стоил бы немало.

Падение на асфальт ему не повредило, разобраться с управлением труда не составило, и Торнадо быстро добрался до лежащих в альбоме фотографий. Восемь штук, и на каждой красуется давешний блондин, широкоплечий «музыкант».

«Интересно...»

Получается, что трое качков были не гопстопниками, а охотились на «музыканта». Но каким экстрасенсорным способом они ухитрились вычислить место, где появится дичь?! Наверняка блондин и сам за несколько минут до того понятия не имел, что окажется в глухом закоулке. А если троица пасла блондина, то какого чёрта они попытались сначала докопаться до Торнадо? Спутали с намеченной жертвой? Исключено, общим у них было лишь желание завладеть футляром. Или гопстопники исходили из врождённого скудоумия и желания разжиться лишним бумажником? Не похоже...

В общем, мутная история.

Пытаясь развеять муть, Торнадо так и сяк разглядывал снимки, но ответов не находил. На одном блондин в смокинге, рядом симпатичная женщина в открытом вечернем платье, у обоих в руках бокалы; фон – мраморная стена и колонна, украшенная лепниной. На другом – он же в одиночестве, на фоне стоящей у причала яхты, и одет гораздо демократичнее... И остальные кадры столь же безобидные и заурядные – ни криминала, ни клубнички. Причём на трёх фотографиях «музыкант» был рыжим, на двух – блондином, на двух – шатеном, а на снимке с яхтой шевелюру полностью скрывала кепка, и узнать окрас не удалось.

«Скрывается и маскируется? Или безобидная прихоть?» Торнадо не стал гадать ещё и об этом.

Он задумался, держа в руках футляр с мечом: куда бы

припрятать добычу? – не подозревая, что выбирает в тот момент между жизнью и смертью. На антресоль... Нет, лучше спрятать понадёжнее... И он поместил, благо размеры позволяли, футляр в несгораемый ящик, купленный (вот ведь ирония судьбы!) как раз в «Пещере Аладдина».

Ящик продавался под торговой маркой «Цербер» – и Торнадо, сам того не зная, выбрал жизнь.

* * *

– Пеленг ноль, дистанция ноль, объект потерян, – уныло доносилось от пеленгатора.

Виан вторил не менее уныло, повторяя раз за разом:

– Третья группа – связи нет.

Трес де Лоу терпеливо ждал. Они трижды теряли слабый сигнал, но каждый раз удавалось снова взять пеленг. Увы, ненадолго – резервные группы не успевали приблизиться к объекту. Четвёртый сбой длился дольше, но надежда пока оставалась.

Ни Вторая, ни Первая группы помочь не могли, поскольку объект слишком удалился от них, и засечь его могла только аппаратура Башни.

И засекла! Позже, когда Трес слушал рапорт группы, выехавшей разобраться с произошедшим в проходном дворе.

– Есть пеленг! Удивительно мощный!

Трес, оборвав на полуслове рапорт, одним тигриным

прыжком оказался у компьютера. Мощный сигнал – значит, сейчас в дело вступят маги мобильных групп. Охота продолжается!

Но...

Не продолжились...

Удивительно мощный сигнал оказался столь же удивительно коротким. Маги, работавшие в городе, его засекли, но запеленговать не успели. Оборвался сигнал тоже достаточно странным образом – не слабел постепенно, как в прошлые разы, а исчез резко и сразу. И больше не возобновлялся, сколько ни ждали чуды.

– Почему изменился характер эманаций? – выпрашивал Трес у молодого рыцаря-мага, дежурившего в момент всплеска у пеленгующей установки и успевшего смениться. – Он применил Меч?

– Не похоже... Тогда флуктуации были бы сильнее и гасли дольше. Скорее... похоже на попытку инициации Меча. На незавершённую попытку, прерванную.

– Зачем?!

Трес впервые продемонстрировал, что несколько отличается в эмоциональном плане от ледяной статуи. Изумление в его вопросе слышалось отчётливо.

– Не знаю... Рыцарь де Шу, разумеется, давным-давно инициировал Меч. Надо отработать точку последнего всплеска. Что-то там происходило интересное...

Отработать... Трес с сомнением посмотрел на карту. Точ-

ка – вновь разросшаяся до пятна – накрывала два десятка домов в спальном районе. Там только квартир несколько тысяч... Отработать... Та ещё перспектива.

– Скажите лучше, что с Третьей группой? – встрял в разговор рыцарь де Бро.

– Они умерли, – прохладно ответил де Лоу.

– Ваши бойцы погибли – под вашим, кстати, руководством, исполняя ваши команды, – и вы так спокойны? – Эрл сделал вид, что ему не всё равно.

– К сожалению, челы не сумели ничего противопоставить рыцарю Ордена. – Трес с ухмылкой посмотрел на сержанта. – Или вы ожидали другого результата, Дибро? Вы считаете, что рыцарь Ордена не в состоянии одолеть троих челов?

Разумеется, считать так Эрл де Бро не мог и потому зашёл с другого фланга, возмущённо воскликнув:

– Значит, вы хладнокровно послали на заведомую смерть троих, пусть даже челов?!

Трес на попытку повысить градус разговора не откликнулся, ответил так же ровно и холодно:

– У них были артефакты, и они знали, кого ждут. Они проиграли, значит, были дураками, а дураки всегда погибают первыми.

Глава 5

К чему приводит потребность в кремнии

Бригада «Скорой» в Кунсткамере не задержалась: к моменту их приезда Пончик уже несколько оклемался, самостоятельно, без поддержки, сидел на стуле и довольно осмысленно отвечал на вопросы. Вид у шефа был не очень: бледный, глаза мутноватые, ухоженная борода растрепалась и казалась делом рук бесталанного гримёра.

Врач пощупал пульс, измерил давление, провёл ещё несколько незамысловатых диагностических процедур, после чего объявил: ничего страшного, заурядный приступ ВСД, жизни не угрожающий и немедленной госпитализации не требующий. Сейчас поставят укольчик, и всё будет в порядке. В качестве дополнительных бонусов к сделанной инъекции последовал набор стандартных советов: спиртным, никотином и кофе не злоупотреблять, стрессов избегать, с лишним весом по возможности бороться. И лучше всего – не срочно, а, допустим, в течение полугода: пройти комплексное обследование в стационаре, потому что такие приступы... в общем, звоночки.

С тем «Скорая» и уехала.

Шоу «Приёмка монструза» сорвалось. Манасов нетвёр-

дым голосом объявил, что далее участвовать в нём не будет, передохнет полчасика в своём кабинете и полегоньку-потихоньку двинется домой, отлёживаться. Начальство об этом факте он известит сам, а свои обязанности по приёвке доверяет Светлане Павловне как заместителю.

И ушёл.

Света вредничать и придирааться не стала. Сразу перешла к подписанию документов, поскольку всем давно уже было ясно, что экспонат отреставрировали на славу. Реставратор такому повороту дел порадовался, по окончании бумажных формальностей вручил Свете визитную карточку, прозрачно намекнув, что и в дальнейшем предпочел бы иметь дело с ней, а не с Пончиком. Но перед тем, как покинуть комнату, помялся и добавил:

– Если будут с ним проблемы – звоните.

Фразе сопутствовал кивок в сторону колбы, и была она, эта фраза, вроде бы вполне обыденной, соответствующей обстановке, но... но старик-реставратор слегка выделил голосом слово «проблемы», этак ненавязчиво надавил... И что бы это значило?

Члены комиссии разошлись по своим делам, реставратор уехал в родную контору. Света осталась возле экспоната, ей ещё предстояло вызвать рабочих-подсобников и проследить, чтобы те без эксцессов доставили колбу к месту постоянного хранения. Однако Света медлила, стояла на месте, машинально вертела в руке реставраторскую визитку и ни шагу не

сделала в сторону АХЧ, за рабочими.

Потом присела, вновь отрыла папочку с подписанными бумагами. Ну да, так и есть – странность, мимолётно отмеченная при подписании, не померещилась и никуда не делась. И акт, и накладная на перевозку были датированы послезавтрашним числом. Отчего же «монструза» привезли на два дня раньше? Явно не по настойчивой просьбе музея: раз уж колба не экспонировалась, Кунсткамере спешка ни к чему.

Вероятно, Манасов получил от реставраторов какие-то объяснения на сей счёт, но звонить шефу и тревожить его по такому пустяку не хотелось. Пусть спокойно поправляется, нет ничего противозаконного в лёгкой нестыковке дат.

Света подошла к колбе, чтобы отключить подсветку, бросила прощальный взгляд на ярко освещённого «монструза» и облегчённо вздохнула: тот на неё не смотрел. Огромный глаз, не то коровий, не то конский, уставился в сторону, а куда глядят маленькие глазки, прикрытые морщинистыми веками, не понять.

До чего же всё-таки неприятное существо... Нет, Света прекрасно знала, что никакое это не существо, и никогда оно не жило, не дышало, знала, что смотрит на фальшивку, но очень уж искусная получилась у древнего мастера подделка, и подсознание плевать хотело на доводы разума: существо – и точка. Мерзкое и богосквернящее существо. И Света решила, что вполне понимает резоны реставраторов. Зна-

ет, зачем они привезли «монструза» до срока. И зачем, помимо деревянной обрешётки, задрапировали колбу тёмной тканью, никак не способствующей безопасности при перевозке: не хотели лишнее время находиться в компании этого, вот и всё. И даже смотреть на уродца лишний раз не желали. И чтобы он на них пялился, не желали тоже.

Внезапно Света поняла, что уродец на неё смотрит, теперь – смотрит, уставился чуть ли не в упор своим глазом-прожектором. Она положение не меняла, а значит, значит, повернулся он... Нет! Ерунда и полный бред, вращательная инерция давным-давно иссякла, тут что-то иное – в голове крутились какие-то обрывки школьных знаний, бессмысленные и ненужные, что-то о маятнике Фуко и о силе Кориолиса, физичка честно старалась увлечь детей предметом и любила рассказывать о всевозможных любопытных проявлениях физических законов, но всё это было не то; хотя, может, и имелось в тех полузабытых рассказах рациональное зерно, но Света никак не могла до него докопаться, сосредоточиться, ухватиться за путеводную нить, – ей мешал голос, певучий и одновременно гортанный, звучащий словно бы издалека, из-за стены, слабо, и тем не менее она могла разобрать каждое слово, но их смысла не сумела понять, мелькали вроде бы арабские или еврейские корни, но со странными окончаниями, потом голос сменил тональность, слова звучали резко, с каким-то прямо металлическим лязгом, и язык сменился на латынь, с ней Света была

знакомо гораздо лучше и, наверное, ухватила бы суть, но звучала не классическая Цицеронова латынь, а её поздняя варварская версия. Света выхватывала из контекста лишь отдельные слова о силе, власти и почему-то о кремнии... Что за ерунда?..

Прозвучал громкий щелчок – резкий, словно выстрел, почти сразу погас свет – и верхний, и подсветка колбы, – и внезапно наступившая темнота болезненно ударила по зрачкам. Света вскрикнула. Даже не вскрикнула, – называя вещи своими именами, просто заорала от ужаса, не понимая, то ли она ослепла, то ли и вправду оказалась в непроглядной тьме. А в следующий миг темноту прорезал светлый прямоугольник распахнутой двери. И зазвучал голос, не смутный и далёкий, не пойми откуда доносящийся, а громкий и вполне реальный:

– Ой, мамочки... – запричитал голос. – Что ж это я?.. Живого человека напугала... Извиняйте, не заметила, очень уж тихо было.

Щёлкнул тумблер, освещение восстановилось, вновь ударив по глазам, заставив зажмуриться, и сквозь щёлочки век Света разглядела женщину в синем рабочем халате – невысокая, лет пятидесяти, лицо знакомое. Ну да – уборщица, подрабатывающая здесь на полставки, Жанна Степановна, кажется. Отчего-то пришла сегодня пораньше, и очень удачно, что пришла. Не то, кто знает, сколько простояла бы Света возле колбы в оцепенении, под бубнёж странного голоса.

Кстати, о голосе...

– Скажите, Жанна Степановна, – прервала Света новые попытки извинений, – вы не слышали, когда подходили, голос? Кто-то за стеной... или в коридоре... в общем, мне показалось, что кто-то зачитывал старинный документ. Негромко, но вслух.

– Семёновна я, – поправила уборщица.

– Извините... Так слышали?

– Ой... ну не знаю... может, кто и действительно...

Уборщица выглядела смущённой, и причину этого смущения Света не поняла. Заподозрила, что у Жанны Семёновны проблемы со слухом, и та их стесняется. Не угадала. После повторного настойчивого вопроса, труженица ведра и швабры откинула прядь волос, продемонстрировав крохотный наушничек и проводок, тянувшийся, очевидно, к плееру.

– Ну, скучное ж дело – в одиночку-то по всему полу тряпкой елозить... Ну и... Если тихо кто говорит, так не услышу. Ну, вы-то так крикнули, что я сразу...

Жанна Семёновна вновь потянулась к тумблеру, видя, что Света подошла к двери и явно собирается выйти наружу. На просьбу повременить, не обесточивать помещение – дескать, сейчас подойдут рабочие, – отреагировала удивлённо:

– Так какие ж рабочие?.. Пятый час уже, а они до четырёх, да и то вечно норовят пораньше до дому...

Пятый час?! Света не поверила, решила, что её разыгры-

вают, взглянула на часы, снова не поверила, вытащила телефон, посмотрела на экранчик...

Шестнадцать часов двадцать три минуты. Катастрофа.

Она бросилась было по коридору в сторону гардероба, затем сбавила шаг, затем вообще остановилась. Нечего заниматься самообманом, всё равно не успеет. Даже если мгновенно поймает такси – не успеет. В пятом часу вечера все магистрали, ведущие из центра, уже плотно забиты, выигрыша времени по сравнению с метро нет, а если где-то на пути случается авария и все её медленно объезжают, тогда на метро вообще быстрее.

Дело в том, что Света дважды на минувшей неделе проштрафилась в детском садике. Нет, конечно же, она ничего не нарушала, согласно распорядку садик работал до восьми вечера, но когда забираешь сына без четверти восемь – последнего из группы, – взгляд воспитателя бывает весьма красноречив и говорит о многом. О том, например, какая мизерная в детских садах зарплата. И о том, что заставлять сидеть с последним ребёнком до темноты за такие деньги – преизрядное свинство.

В общем, когда сегодня в садике попросили забрать детей пораньше, никак не позже пяти (намечался у них не то корпоратив, не то чей-то день рождения), Света решила: если надо будет, она вступит в конфликт с Манасовым, любящим придумывать вечерние задания для аспирантов, но обязательно придёт за сыном без десяти пять.

И вот как всё сложилось...

Отчего всё сложилось именно так, куда и как бесследно канули почти два часа, Света пока не задумывалась. Сначала надо решить проблему. А путь решения имелся один – попросить кого-нибудь забрать Кирюшу. Света сделала два звонка и в одном месте получила отказ, завёрнутый в тысячу извинений, в другое не дозвонилась. Запас времени, и без того невеликий, таял. Оставался последний шанс, и он, по счастью, сработал. Мама Паши Фонарёва, закадычного приятеля Кирюши, как раз шла за сыном и не имела ничего против, если мальчики поиграют у неё вечером. В голосе мадам Фонарёвой звучало легчайшее, едва заметное снисхождение обеспеченной домохозяйки, способной отдавать всё свободное время чаду, к непутёвой матери-одиночке. Либо же Света это снисхождение навывдумывала...

В садик она позвонила неторопливо, уже не нажимая лихорадочно кнопки на телефоне, предупредила. Дело сделано. И теперь надо разобраться, отчего его пришлось делать. Что за странные провалы во времени?

Она мысленно восстановила хронологию событий. Комиссия собралась ровно в час дня. Шоу Пончика, визит «Скорой» и подписание документов вкупе заняли менее полутора часов. Округлим до полутора, получается половина третьего, запас времени вполне достаточный, чтобы неторопливо, нога за ногу, сходить за рабочими, доставить экспонат, попить кофе с купленными утром круассанами, а за-

тем спокойно и не спеша отправиться за Кирюшей. Вместо этого примерно в шестнадцать двадцать уборщица обнаружила застывшую перед колбой Свету. Причём свято уверенную, что провела там несколько минут, не более.

Что произошло, понятно. Отчего произошло – тайна, покрытая мраком. Ладно бы случился обморок, потеря сознания... Хотя два обморока, один за другим, в одном месте у двух разных людей – явный перебор. Но сознание она не теряла. Просто выпала из реальности.

Света вспомнила последнюю фразу реставратора: будут проблемы – звоните. Обыденные слова теперь наполнились новым смыслом. То, что с ней случилось, – уже проблемы? Или ещё нет?

Она поискала визитку, обнаружила её в папке с документами и решила убрать понадёжнее, чтобы не затерялась. Нет, звонить пока не будет, не тот масштаб у её проблем, да и не по реставраторскому профилю они проходят, но визитка пусть лежит, вдруг пригодится.

С этими мыслями она шагала по коридору и увидела, что дверь манасовского кабинета чуть-чуть приоткрыта и в щель пробивается полоска света. Мало того – изнутри доносились звуки, природу которых Света поняла не сразу. И лишь через несколько секунд появилась первая ассоциация: такой звукоряд могла создать свинья, аппетитно, с похрюкиванием и с громким чавканьем жрущая комбикорм из корыта.

Пончик изволит обедать? Света осторожно заглянула

внутри – не отворяя дверь, сквозь узкую щель.

Оказалось, что Пончик не уехал домой отлёживаться, как грозился, а стоял, согнувшись, возле большого растения, украшавшего кабинет (Света не знала названия этого представителя флоры и мысленно называла фикусом, чтобы хоть как-то называть), и пожирал из него землю. С аппетитным свиным чавканьем.

Съел доктор наук уже немало – уровень земли понизился на несколько дюймов, обнажив верхние корни «фикуса», – но не останавливался, продолжал трапезу так, словно в ней заключался смысл его существования.

Света медленно попятилась от двери.

Спятил...

Прямой и непосредственный начальник спятил, сбрендил, свихнулся, поехал крышей, слетел с катушек... Если соблюдать субординацию и выражаться политкорректно, то получил серьёзные психические проблемы.

Надо позвонить... Вызвать...

Или сначала сходить к директору и намекнуть... Именно намекнуть, потому что объявить психом своего прямого начальника как бы не комильфо... Или ничего не предпринимать, подождать, пока заметят другие? А если он станет опасен?

«Вы недавно решили, девушка, что проблемы у вас мелкие и незначительные? Вот вам добавка, получите и распишитесь».

Шейные позвонки хрустнули с хорошо различимым звуком, будто сломалась толстая сухая ветка, и Кемп отшвырнул последнего из нападавших. Тот шмякнулся о стену, на мгновение прилип к ней, а затем сполз на землю – топтать её этому типу уже не придётся.

Победа оказалась нетрудной. Кемп в своё время хорошо освоил «Семь рыцарских добродетелей» – в том смысле, какой вкладывал в них Орден, – в первую очередь те из них, что наставляли, каким образом следует убивать противников и любым оружием, и голыми руками. Но на этот раз победа оказалась ненужной. Бессмысленной. Потому что именно в тот миг, когда позвонки противника сломались с сухим треском, Кемп окончательно потерял контакт с Мечом.

И зарычал от ярости.

Захотелось оживить всех троих ублюдков – и убить опять, но уже иначе, медленно и мучительно, – но на это не было ни времени, ни нужного умения. И поэтому рыцарь просто помчался к выходу из двора: оставалась надежда, что связь восстановится, если вновь сократить дистанцию.

Выскочил на улицу – и надежда умерла. Скончалась, не застонав и не пискнув. Связь не восстановилась. Вор сел в машину или в маршрутку или нырнул в метро. Или попросту успел убежать достаточно далеко. Эманиции ослабли до по-

тери чувствительности.

Меч исчез.

Таких нокаутирующих ударов судьбы Кемп давненько не испытывал. Он брёл по улице бесцельно, в состоянии, абсолютно ему несвойственном, – не представляя, что делать дальше.

Тупо отшагал несколько кварталов, нырнул в полуподвальное кафе, уселся за столик... Хотелось выпить враз и ни о чём не думать. Вместо этого Кемп заказал чашечку крепчайшего кофе и попытался проанализировать случившееся, оценить все плюсы и минусы нового расклада.

Оценка плюсов много времени не заняла. Положительный, по большому счёту, один: Орден явно не имел отношения к похищению, потому что обязательно разыграли бы Меч в качестве приманки. Тут же разыграли бы. И в закутке его ожидали бы не трое челов, а пара опытных гвардейцев. Так что – не братья-чуды.

Вывод: Меч украл воришка-чел, использовавший подвернувшийся шанс. А значит, оружие можно вернуть. Магические предметы такой силы не исчезают бесследно – достаточно скоро Меч всплывёт в самом центре весьма кровавой истории, поскольку владеть им без необходимых знаний и умений самоубийственно, – безопаснее поручить разнорабочим кувалдами разобрать ядерную боеголовку. Но беда в том, что возвращение оружия может занять и неделю, и две, а по договору запланированную операцию необходимо провести се-

годня вечером, а после операции нужно уходить из Питера, поскольку в Комтурии наверняка засекут мощный всплеск магической энергии...

И что делать?

Всё отменить?

Можно, но цивилизованный разрыв контракта означает не только уплату неустойки и возврат полученного аванса, но и потерю репутации, а Кемп не хотел её терять.

Можно исполнить контракт и уехать, наплевав на судьбу оружия, но это не выход. При всех своих недостатках де Шу чётко соблюдал режим секретности и знал, как воспримут в Ордене появление смертельно опасного артефакта в руках обычных чело́в. Де Гир придёт в бешенство, устроит подчинённым головомойку, и тогда его начнут искать не так, как теперь – спустя рукава, – а по-настоящему, чтобы наказать, а этого Кемпу хотелось ещё меньше, чем отменять контракт.

После второй чашечки кофе стало ясно, что выход существует один: постараться дипломатично и осторожно убедить партнёров перенести акцию на более поздний срок, – а полученную отсрочку использовать для поиска Меча. Вот только придумать такой финт легко, а исполнить значительно труднее. Кемп ломал голову, какие причины он может выдвинуть для изменения плана – не раскрывая всех карт, не признаваясь в собственном ротозействе, – и ничего не придумал.

А что, если... Де Шу захотел хлопнуть себя по лбу, но

сдержался.

Ответ всё это время висел у него на шее! Инерция мышления, чтоб её...

Надо применить к заказчикам магические свойства амулета Апикрены, только и всего. Убедить их в том, что звёзды, Луна, персидские ковры или полинезийские божества сильно разозлятся, если операция будет проведена сегодня, и поэтому требуется её перенести.

До сих пор Кемп себе такого не позволял, с заказчиками вёл себя честно, однако всё когда-то случается впервые. Если партнёры заподозрят, что ими манипулируют, дело обернётся скверно, – но с чего бы им заподозрить? Его нынешние наниматели не имели к Тайному Городу никакого отношения, магию считали выдумкой.

Вот и чудно.

Для разминки Кемп, положив руку на сердце (на самом деле – на амулет), признался официанту: бумажник он позабыл дома и за кофе заплатит как-нибудь потом, при okazji, и тогда же вознаградит чаевыми. В результате официант, на пару с подошедшим администратором, проводил его до дверей чуть ли не с поклонами, уверяя, что заведение согласно потерпеть с оплатой.

Далее предстояло деликатно пообщаться с заказчиками и настоять на немедленной встрече – под предлогом того, что, дескать, необходимо сообщить важную новость, не подходящую для обсуждения в телефонном разговоре. Момент

скользкий... Амулет на расстоянии не подействует, а личные встречи его нынешний клиент недолюбливал, но... но судьба, словно расплачиваясь за похищение Меча, подкинула рыцарю подарок: едва Кемп вышел из кафе, как раздался телефонный звонок. Номер не определился, но по голосу де Шу сразу же узнал Джу – порученца и переводчика большого босса, выступавшего под псевдонимом «мистер Старк», – который сообщил, что, в связи с экстраординарными обстоятельствами, необходима срочная личная встреча уважаемого мистера Кемпа с шефом. В общем, мистера Кемпа ждут в Петровском Форте, и чем скорее он туда доберётся, тем лучше.

Такое вот получилось совпадение.

Обрадованный де Шу пообещал, что будет в Форте немедленно, убрал трубку в карман, а в следующий момент услышал странный вопрос:

– Не хотите ли воды?

* * *

Троллейбус едва полз по забитой транспортом улице Типанова: стоял по несколько минут, потом медленно трогался с места, проползал сотню футов и снова останавливался. Прочий общественный и личный транспорт двигался с той же скоростью, и можно было утешаться мыслью, что и такси делу бы не помогло, но Света этим не утешалась. Мало того,

что случился прокол с садиком, так теперь ещё приходится злоупотреблять гостеприимством мадам Фонарёвой.

Задержалась на работе она из-за Манасова. Нет, не из-за дикого пожирания земли из горшка... Когда Света, потрясённая зрелищем и раздумывающая, что же предпринять по сему поводу, сидела на своём рабочем месте, бездумно уставившись на экран компьютера, Пончик заявился к ней сам. Выглядел он адекватно, никаких следов земли на лице или одежде не имел и речи вёл вполне вменяемые. Объяснил, что почувствовал себя значительно лучше, оттого и решил домой не ехать. И неожиданно завёл разговор о работе.

Слушая ровную речь начальника, Света поначалу не могла отделаться от мысли, что всё, увиденное сквозь приотворённую дверь кабинета, ей примерещилось. Всё-таки испытала немалый шок у экспоната, когда погас свет. Или же у горшка безобразничал кто-то другой, крайне похожий на Пончика костюмом и фигурой, поскольку рассмотреть лицо с её точки наблюдения не было возможности...

А затем сомнения рассеялись – Света заметила в ухоженной бороде Манасова два или три крошечных чёрных комочка.

И ей стало по-настоящему страшно...

Человек, повредившийся рассудком, вызывает жалость. Если буйный – жалость опасливую. Но сумасшедший, старательно и небезуспешно притворяющийся здоровым... Это страшно.

Тот же облик, то же лицо, и речи те же, но где-то там, в глубине черепной коробки, затаился чужой. Чужой и опасный. Глядит на мир сквозь иллюминаторы не своих глаз, подстерегая удобный момент...

Или подстерегая жертву.

Все уже разошлись, они с Манасовым беседовали наедине, и это уединение абсолютно Свету не устраивало, она дважды или трижды попыталась скомкать, закруглить разговор, но Пончик был велеречив и настойчив, и заткнуть фонтан его красноречия можно было, пожалуй, лишь открытым текстом отправив шефа в пешее эротическое путешествие. Ну, или спросив напрямую: какова на вкус земля в горшке с фикусом? К таким демаршам Света не была готова. Пока не была...

И разговор-то получился пустой, бессодержательный, ни о чём. Манасов битый час молол языком о диссертации аспирантки Кузнецовой, о минувшем учёном совете, о грядущем через месяц Дне музеев – болтал безостановочно, но умудрился не сказать ничего нового, чего бы Света не слышала. При том казалось, что и сам Пончик не испытывает к предмету беседы ни малейшего интереса. Что добивается какой-то своей цели – не то тянет время, не то пытается гипнотизировать монотонно журчащим потоком слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.